

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

КНИГА СЕМИ ДОРОГ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Дмитрий Емец

Книга Семи Дорог

Серия «Мефодий Буслаев», книга 16

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5009243

Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Книга Семи Дорог : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62997-8

Аннотация

Давным-давно три сильнейших темных мага создали собственный мир – Книгу Семи Дорог – и заключили в него свои эйдосы. Поселившись в новой реальности, маги получили абсолютную власть и неуязвимость. Однако, чтобы жить вечно, они должны периодически заманивать к себе семь добровольцев. Попавшие в книгу навсегда забывают прошлое и воспринимают любого встречного как врага. Именно на этот артефакт и сделал ставку Лигул. Мефодий, Дафна, Шилов, Чимоданов, Прасковья, Варвара и Мошкин – все они для главы канцелярии Мрака отыгранные карты, но если он заставит их сражаться друг с другом, то отомстит Свету за поражения.

Тем временем Аида Плаховна Мамзелькина, а проще говоря Смерть, ищет преемницу. И выбор падает на бывшую валькирию – Ирку. Но вот как устроить ей ловушку?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	45
Глава 4	75
Глава 5	106
Глава 6	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев.

Книга Семи Дорог

Препятствий не миновать, но имея в себе опору, он, хоть с трудом, преодолел бы их. Побудь он весь день в этом преодолении, на другой день они оказались бы гораздо менее чувствительными, а на третий – еще меньше.

Преподобный Никодим Святогорец

В сущности, чтобы прослыть глупым, достаточно просто быть злобным.

Троил

Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьняят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение.

А. П. Чехов из письма к А. С. Суворину

Глава 1

Плачущий пакет

Всем людям очень тяжело. Они устают от слабостей друг друга, несовершенств, ошибок, истерик, непредсказуемого поведения. Безумно хочется просто повернуться спиной и уйти на все 4 стороны, подальше от окружающих. В той же мере и другие люди устают от нас, якобы мягких и пушистых, а на самом деле колючих и противных. Надо терпеть и беречь друг друга, не думая о себе. Другого выхода попросту нет, иначе сумма общей боли будет с каждым годом возрастать, пока не станет критической.

Ирка, дневниковые записи

Праворульный японский микроавтобус стоял перед окнами. Матвей спал на заднем сиденье. К Бабане он не пошел, заявив, что не хочет передозировать общение. Лучше немного недообщаться, чем переобщаться. Чем дольше отношения развиваются, тем на дольше их потом хватает. Особенно с родственниками девушки, которые до последнего момента остаются кем-то вроде дружественно настроенных врагов.

Ирка сидела на кухне у Бабани и качала ногой, дерзкой, танцевальной, смуглой, с прекрасно прокачанными мышцами голени. Она не собиралась больше скрываться и дурачить Бабаню инвалидными призраками в колясках, выгребая

потом из-под стола мумифицировавшиеся бутербродики. В конце концов, валькирией она больше не была, и смерть Бабане не грозила.

На то, чтобы Бабаня восприняла ее выздоровление без разрыва сердца, потребовались все силы Эссиорха. Но и сейчас она по привычке вскакивала, чтобы поддержать Ирку, когда та начинала вставать, и пугливо порывалась показать внучку каким-то «дохтырям», для «закрепления успеха».

– Это все Эмиль Исаич! Кудесник! Руки бы ему расцеловала! – восклицала Бабаня, за отсутствием волосатых рук Эмиля Исаича целуя свои собственные, с глубоким отпечатком швейных ножниц на среднем пальце.

– Исаич – это который шерстью дохлого енота лечит? Сто долларов сеанс? – неосторожно лягнула Ирка.

Бабаня поджала губы.

– Не шерстью дохлого енота, а лечением биотоками с электронейростимуляцией! Шерсть енота – идеальный проводник.

– Устаревшие сведения! Идеальный проводник – Иван Сусанин.

– Ира!!!

– А твой Исаич батареей по позвоночнику водит и бормочет не то мантры, не то стишки своего дедушки! И слюна его на спину капает!.. Матвей обещал, что возьмет туалетный ершик и вылечит Эмиля Исаича от слюнотечения. Триста долларов сеанс – и тот здоровехонек!

– Матвей? Уж это-то, конечно, все знает!

Бабаня быстро, как птица, взглянула на блестящую крышу микроавтобуса, и Ирка пожалела, что подставила Матвея. Ей-то Бабаня простит, а на Багрова отложит теперь компромат в копилочку. И не надо думать, что у хороших людей их нет. Просто туда больше мелочи помещается.

– Ты злая и неблагодарная! Врачи в тебя вкладывали свои навыки, поставили тебя на ноги, а тебе плевать! – лицо Бабани перечеркнули две складки, и рот на секунду стал похож на букву Н.

Ирка с грустью подумала, что борьба с ее болезнью стала центром Бабаниной жизни. Болезнь ушла – и цель исчезла. Сколько еще пройдет времени, прежде чем бабушка и внучка сумеют выстроить новые отношения? И на сколько уступок придется обеим пойти?

Бабаня барабанила ногтями по столу. Ей хотелось к чему-нибудь придраться.

– Ты яблоко мыла? – внезапно спросила она.

– Мыла!

– Видела я, как ты мыла. Просто микробов попоила!

– Ну я пошла, – сказала Ирка грустно.

Бабаня спохватилась, что нельзя расставаться в ссоре. Засуетилась, вскочила.

– Ой! Я много хлеба купила! Возьмешь один батон? И курицухвати – вчера вечером сварила... В чем бы тебе ее дать? В тарелке довезете?

– Не, бульон прольется.

– Ну хорошо, берите с кастрюлей! Только верните потом! *Этот* никогда ничего не возвращает. Скоро буду в раковине себе еду готовить. Кипятильником.

– Почему сразу *этот*? – возмутилась Ирка.

– Ну прости, прости! Иди я тебя поцелую!..

Бабаня попыталась обнять Ирку, но ей мешала кастрюля. Ирка приподняла руки и попыталась втиснуть Бабаню между собой и кастрюлей.

– Ты что, ку-ку? Мне в этой кофте на работу идти! Топай давай! – возмутилась Бабаня.

Ирка спускалась по лестнице, а Бабаня сверху испуганно смотрела на ее сильные ноги и, наклонившись вперед, шевелила руками, готовая броситься на помощь, если Ирка начнет терять равновесие.

* * *

Автобус стоял все там же под окнами. Спереди кто-то припарковался, и Ирке пришлось обходить его сзади. Мало-помалу Матвей набирался опыта вождения. Летом знак «У» на заднем стекле машины выгорел на солнце, и Ирка фломастером переделала его в детскую рожицу.

– Ты в курсе, что он означает? – поинтересовался тогда Багров.

Ирка выронила фломастер. Она вообще-то не вкладывала

в эту рожицу никакого смысла.

– Сколько у нас детей родится? Пять? Шесть? – продолжал Матвей.

– Не знаю, – испуганно сказала Ирка. От неожиданности «не знаю» прозвучало как «нэаю».

Сейчас руки у Ирки были заняты кастрюлей, и в стекло машины она постучала лбом.

– Отпустила? – спросил Багров, открывая двери.

– Угум.

– Мне кажется, когда мне будет шестьдесят лет, я застрелюсь. Дальше жизни нет! – заявил Матвей.

Ирка что-то промычала, мельком прикинув, в каком году родился сам Багров. Иногда при подсчетах у нее получалось, что, не попади Багров к волхву, он мог бы стать отцом Льва Толстого и шлепать его на коленке, повторяя: «Два романа у тебя хороших, а третий слабенький!» Матвей понял ее мышление по-своему.

– Ой, прости! Я не подумал. А Бабане сколько?

– Понятия не имею.

– Не знаешь сколько лет твоей бабушке?

– Она не бабушка, а Бабаня! – ответила Ирка голосом, закрывающим тему.

Багров почувствовал интонацию и об этом больше не говорил. Всю дорогу он ругал дураков, которым не сидится дома и которым обязательно надо всунуть свою тушку в машину, чтобы купить в магазине три пельменя. Увлечшись кри-

тикой, Матвей пропустил разворот, стал мудрить, сдуру повернул на узкую, забитую автомобилями улицу и из-за произошедшей впереди аварии застрял там на полтора часа.

– Слушай, мы бы пешком быстрее дошли, – вздохнула Ирка.

– Ага! С курицей! – ответил Матвей, и опять получилось, что он кругом прав, а Бабаня виновата.

Ирка отстегнулась и перелезла на заднее сиденье, радуясь, что ноутбук с собой. Иной раз она могла выйти из дома наспех одетая, захватив нерасчесанные волосы небрежным пучком, но никогда без рунки и ноутбука. Они составляли две стороны ее Я.

– Как-то плохо вышло сегодня с Бабаней. Я точно дежурство отбывала, а ее не обманешь, – сказала она покаянно.

– А? – невнимательно откликнулся Матвей.

– Сам ты «а!». Моя проблема в том, что я плохо соблюдаю обряды вежливости. Ответные звонки, переписка, приглашение в гости. То бываю слишком радостной и болтливой, то надолго исчезаю. Люди не могут поймать мой ритм, считают, что я зазналась, потеряла к ним интерес или обиделась.

– А ты соблюдай их лучше.

– Тогда у меня не останется времени думать и читать. Я взвою, и будет еще хуже. Если я не смогу быть собой, то и кем-то другим тоже не буду! – заявила Ирка, капризно дернула ногой и ойкнула, обо что-то ударившись большим паль-

цем.

Рунка наискось лежала на полу машины, занимая все пространство от переднего пассажирского кресла и чуть ли не до заднего бампера. Если мрак нападет внезапно, достать ее будет проблематично: придется вылезать из автобуса, открывать багажник, вытаскивать канистры и поднимать третий ряд сидений.

Прежде чем включить ноутбук, Ирка озабоченно потрогала пальцем треснувшие петли крышки – самое уязвимое место, не считая клавиатуры, на которую она так любит проливать кофе. Потом нажала на кнопку. «Окна» загрузились, и вот он – ее любимый «рабочий стол», заваленный книгами, фильмами, музыкой так, что памяти давно не хватает, а стирать что-либо жалко. Есть и заветная папка с файлами, куда Ирка записывает свои мысли. Она покосилась на спину Багрова, но тот весь ушел в критику чистого разума двух баранов, что не смогли разъехаться.

В заветную папку Ирка заглядывала нечасто. Обычно утром, когда голова свежа и не израсходована. Опыт множества ошибок научил ее, что творческую энергию нельзя разбрызгивать. Накапливается она медленно: капельками фраз, дуновениями мысли, краткими прозрениями. Стоит человеку не вовремя выйти в Интернет или поболтать по телефону с приятелем – он выплеснет себя, опустошит, на несколько часов сделает ни к чему не годным. А сколько таких отвлечений у пишущего человека?

Ирка гладила кончиками пальцев клавиатуру, ощущая молчаливую силу букв, готовых взорваться и отвердеть словами. Жизнь она воспринимала через призму слов, причем написанных. Только им и верила – ей важно было записать в дневнике «я счастлива», и тогда она осознавала, что так оно и есть. Отними у нее возможность писать – и девушка ощутила бы себя несчастной даже в эдемском саду.

Ирка касалась клавиш, но осторожно, дразняще, так, что контакт не срабатывал и буква не отпечатывалась. Нет, сейчас она писать не будет, только читать! Ирка открыла файл с дневником. Грамотность у нее стопроцентная. С ошибками она пишет лишь некоторые слова, когда это доставляет удовольствие. «Йурист», «блашь» и другие, к которым у нее особое отношение.

Из дневника

Сегодня у меня мерзопакостное настроение. Никого не хочу видеть и слышать, ни с кем не хочу общаться! Написала об этом в твиттере, вконтакте, в ЖЖ, выложились на фейсбуке и теперь проверяю, напишут мне какие-нибудь комментарии или нет.

* * *

Я думаю, очень немногие люди умеют говорить правду себе и другим. Это не о лжи. Не лгут многие, а вот говорить правду не способен почти никто. Остальных моментально заносит в ханжество, в позу, в какую-то дутую сериальную болтовню.

Сложнее всего воспитать человека человеком. Остальное, в сравнении с этим, мелочи.

* * *

Природа гения в универсальности затрагиваемых его творчеством проблем. Гений, как колокол, отзывается в каждом. Ему все помогают, причем некоторые делают это неосознанно, пытаясь помешать. Часто гений как человек совсем неумен или умен очень в меру. Ему этого не нужно. Зато он безмерно правдив и не искажает книгу. Мы врем сами себе, а гений нет, поэтому мы к нему и приникаем.

* * *

Мне сложно выразить, что такое мысль Шмелева или мысль Куприна, но я ощущаю, что вот она – цельная, моно-

литная, слившаяся с личностью автора. Глыбообразность Толстого, веселое уныние Чехова, горение Достоевского или щебечущие кружева Тургенева. Всякий писатель (художник, композитор) – человек одной мысли. Она доминантой проходит через все творчество, через все поступки, через личность. Именно откликаясь на нее, мы любим одних и равнодушны к другим.

А вообще к книгам я принимаюсь, как кошка к новой еде. Долго, недоверчиво. Отхожу, подхожу, снова отхожу. И только убедившись, что это то, что нужно, начинаю жадно, быстро и неразборчиво заглатывать! Жаль, что Матвей не книга. Я могла бы его читать!!!

* * *

Зашли с Матвеем в супермаркет за батоном хлеба. Обратно еле доперлись. Скидки – это когда ты покупаешь вагон ерунды, о существовании которой в другой ситуации вообще никогда бы не вспомнил.

* * *

Бабаня в детстве очень много читала мне вслух. Просто до одури. Порой у нее язык узлом завязывался. Прочитайте своему ребенку 10 000 страниц вслух и его Нобелевскую пре-

мию разделите со мной за совет!

** * **

Человек не может смотреть художественные фильмы без самоидентификации. Он обязательно ставит себя на место одного из героев: «я прекрасная злодейка», «я – крутой парень», «я – барышня-овечка», «я – сумасшедший гений». Как ни смешно это звучит, но мне всегда нужна влюбленная умная дуручка.

З. Ы. У каждого человека есть сценический образ себя, любимого, и он его старательно обслуживает. Мой образ – это умненькая творческая девушка, не способная сварить картошку даже в мундире. При этом я абсолютно точно знаю, что окажись я на необитаемом острове, не только всю посуду бы перемыла, но и пальмы бы валила топором.

** * **

Слово «жалеет» гораздо более полно выражает чувство любви, чем это ваше «любит»!

** * **

Всякий раз, когда я вторгаюсь в зону чьей-то мечты и

пытаюсь ее разрушить, получаю по лбу. Даже если мечта эта заведомо тупиковая, вроде как съесть селедку с мармеладом. Видимо, свои мечты человек хочет крушить исключительно сам.

Интересно, какую правду люди имеют в виду, когда просят сказать им правду?

** * **

Я: Ты купил картошку?

Матвей: Нет.

Я: Сам виноват. Сварим чипсы!

** * **

Вирусное распространение зла. Прадед кричал на деда, дед кричал на отца, отец – на сына, сын будет кричать на своего сына. Сложнее всего остановиться первым. Но, если удастся, целое щупальце зла отсечется и никогда не вырастет вновь.

** * **

Матвей вчера сказал: «Женщина всегда права. Поэтому спорящих женщин лучше столкнуть между собой, чтобы

правы оказались обе». Это после того, как мы весь вечер слушали, как Гелата ссорится с Ильгой.

И еще на ту же тему: «Женщины могли бы править миром, если хотя бы две из них сумели о чем-то договориться между собой!» (с) Матвей.

* * *

На нашей улице живет тетя Зина. У нее кошка и две собаки. А еще она кормит всех кошек и собак во дворе. Так вот: она их терпеть не может. Называет прохиндеями, желает им сдохнуть и дерется с ними пустой кастрюлей, когда те ставят грязные лапы ей на одежду. Мне кажется, это и есть образ настоящей любви: дойти до полного разочарования в чем-либо, но все равно продолжать любить и жалеть.

* * *

Думаешь о человеке как о подлеце и грубияне. Рано или поздно это невольно прорывается в отношении к нему. Он видит, что разубедить тебя не может, и назло становится грубияном и подлецом. На тебе!

* * *

У Матвея был друг, который расстался с девушкой после того, как она полтора часа выбирала в зоомагазине подругу для своего попугая и в конце концов оставила его в одиночестве, потому что «никто не был его достоин». Друг представил, как она будет выбирать невестку для их сына.

* * *

Любопытный момент. Если мне сразу нравится какая-то книга, потом резко оказывается, что это дрянь. И с людьми то же самое. Стараюсь выжидать со внутренней оценкой, но не получается.

* * *

У меня есть близкая к гениальности мысль: внимание является энергетической величиной, солнцем, за которым люди охотятся, как растения за светом. Вот только чем больше попрошайничаешь, тем меньше получаешь. Даже истерики не помогают. Нужно любить самому. Но, блин, легко сказать!!!

Единица изменения внимания – внимомы. Чтобы прока-

чать младенца и сделать его, допустим, хорошим, добрым, умным человеком, надо 10.000 внимом. Чтобы еще кем-то – 5.000.

Слишком много внимом тоже плохо. Лишние внимомы могут испепелить. Ну как? Нобелевскими премиями просьба не швыряться! Складывайте их в чемоданчик у входа!

* * *

Отношения большинства познакомившихся людей вписываются в схему:

- Полюби меня первый!
- Нет, ты!
- Я потом.
- А если ты меня обманеешь?
- Да пошел ты!
- Да пошла ты!

* * *

Мне всегда казалось: хочешь любить человека – не узнавай его близко. Но ведь это же обман? Путь к любви идет через полное и окончательное разочарование. Разрушила человека до основания (для себя), а потом вдруг открылась в нем какая-то дверца. Вспышка – и ты полюбила. Я этого

не знаю, разумеется, а так... гадаю.

** * **

Механизм печали и уныния в том, что человек – вялый, напуганный, обленившийся, забитый неудачами – останавливается и перестает ползти и бороться. Тайное его желание – чтобы утешили, развеселили и трудности разгребли. Ну, у меня так примерно и бывает.

** * **

Часто вспоминаю день, когда Гелата бросилась перед коляской на колени, и слова, которые она тогда произнесла, что другой такой пары нет на свете и что вся ненависть мрака нацелена на нас. У Матвея в груди Камень Пути. Я – девушка с даром любви. И все это было в нас совсем недавно! Но осталось ли что-то теперь?

Не принадлежим ли мы Мамзелькиной со всеми потрохами, приняв от нее «подарки», с которыми не можем расстаться?

Вдруг мы уже никто? Просто молодые обыватели с микроавтобусом, которые живут в Сокольниках, питаются и одеваются на Бабанин счет (+ бензин тоже) и воображают себя слугами света. Мне кажется, что и Матвей

часто думает об этом.

Вдруг нас уже опрокинули? Нельзя же принять подачку от мрака и притворяться, что ты ничего не брал и ничего никому не должен.

— Ау! Ты меня слышишь?

Ирка вскинула голову и пугливо захлопнула крышку ноута.

— А? Что ты хочешь?

Матвей уже вышел из машины и весело смотрел на нее, встав коленом на водительское сиденье.

— Да, в общем, ничего. Мы приехали!

Автобус они бросили перед забором Сокольников, на месте, которое Матвей уже настолько считал своим, что даже ставил буквой **Т** два ящика, чтобы никто посторонний его не занимал. Пока Багров закрывал машину и проверял, чтобы на сиденьях не осталось ничего такого, что подвигло бы воришек разбить стекло, Ирка перебросила через забор рунку, просунула ноутбук между прутьями ограды, а потом и сама перелезла.

Это был тот самый пятачок, где она сидела когда-то в коляске, дожидаясь приезда Матвея. Тогда забор был ее клеткой, ее вечным препятствием. Она смотрела на дорогу и думала: «Матвей! Матвей! Матвей!» Сейчас же Ирка взглянула на площадку между двумя деревьями довольно равнодушно. Желание ковыряться в памяти в данный момент отсутствовало.

Вскоре ноутбук и рунка были на аллее, ведущей к будке техслужбы. Курица, которую нес перед животом Матвей, грустно ныряла в бульоне. Внезапно Багров повернулся и прошептал: «Тшш! Там кто-то есть!»

Они осторожно выглянули из кустов. У будки на туристическом коврике лежала на животе валькирия-одиночка Даша и листала потрепанную книгу.

– Экономика, – наугад предположил Матвей.

– Не, что-то про любовь! Смотри, какая она счастливая! Экономику так не читают.

– Ну, это кто как. Помнишь, как она книгу про коневодство наизусть учила? Одиночки все такие! – заявил Багров.

Ирка оглянулась на него.

– Э-э... ну, в смысле, тяготеющие. К знаниям, – поспешно договорил Матвей.

Они прокрались к Даше, остановившись шагах в пяти. Слышно было, как валькирия бормочет:

«В фехтовании нет верных средств поражения противника. Каждое действие имеет свое возможное опровержение. Возникают теоретически бесконечные ряды боевых действий».

В свою очередь, основным начальным действием боя является простая атака. Однако она имеет возможное опровержение посредством защиты с последующим ответным уколом. Защита, в свою очередь, обыгрывается финтом, а атака с финтом – контратакой. Контратака находит опровержение

в страхующих от нее действиях на оружие, в атаках последующих намерений, вызывающих ее, а также в простых атаках. Четкая обозримость причинных закономерностей боя избавляет бойца от необходимости в напряженной обстановке боя заново уточнять положения, временно выпавшие из его сознания, и служит формированию тактического мышления фехтовальщика».

Дочитав абзац до конца, Даша заложила страницу пальцем, перевернулась на спину и начала повторять по памяти.

– Мама дорогая! Я же говорил, что наизусть! Она вынесет мне мозг! – простонал Багров.

– Гвардия мрака! Хватай валькирию! Она учебник Тышлера зубрит! – крикнула Ирка, бросая взгляд на обложку.

В следующую секунду валькирия была уже на ногах. Копье, знакомое Ирке до малейшей неровности древка, до самого мелкого скола, которое она обнимала когда-то, как живое существо, и ночью в гамаке прижималась к нему щекой, занесено для броска и смотрит прежней хозяйке в грудь.

«Интересно, а если бы возникла ситуация, что она бы его метнула... оно бы... да или нет?» – подумала Ирка.

Багров показал Даше кастрюлю.

– У тебя нет шансов! Бульоном оболью! – крикнул он.

Та, смеясь, опустила оружие. Глаза сияли. На Матвея она смотрела влюбленно, забывая дышать. Так смотрят на картину, на звездную систему, на что-то великое и недостижимое. Если бы он попросил сосчитать крупинки сахара в са-

харнице или выстричь ножницами все буквы «а» из словаря Ожегова, она с радостью бросилась бы это делать.

Ирка не ревновала: она ощущала, что чувство Даши иного рода, да и нельзя валькириям-одиночкам переступать грань, но все равно было досадно. Их тройная дружба постепенно становилась двойной – Матвей совершенно вытеснил Ирку из сердца Даши.

– А я вот две рапиры принесла. Настоящие, олимпийские. У Фулоны выпросила... Мы же договаривались сегодня позаниматься, – сказала Даша, почему-то умоляюще глядя не на Багрова, а на Ирку.

«Таким тоном просят у бабушки-соседки поиграть с ее собачкой!» – кисло подумала Ирка.

Вслух она сказала, что не претендует на Матвея, и залезла с ноутбуком в гамак. Она лежала там, качалась и изредка скашивала глаза в открытую дверь. У муравейника на коленях стоял Багров и, просовывая туда травинку, ел налипающих на нее муравьев. Даша стояла рядом, держа в руках две рапиры, и смотрела на него все тем же восхищенным взглядом.

– Фехтовальщики, все равно пулемет лучше, – буркнула Ирка.

Она включила фильм, но быстро поняла, что смотреть его нет ни малейшего желания. Тогда она выбралась из гамака с осознанием того, что нужно срочно выбросить старые диски Багрова, которые все равно без дела валяются где попало.

Конечно, Матвей будет ругаться, но порядок превыше всего. Чистота требует жертв. Случайно выскочившая фраза очень ей понравилась. Да, именно так она ему и скажет: «Чистота требует жертв!»

Трехкопейная дева начала выгребать диски, но внезапно обнаружилось, что мусорное ведро переполнено.

Ирка редко выносила мусор. У нее была прекрасная гуманитарная привычка не то чтобы презирать быт, а в упор не замечать его. Он происходил как-то сам собой. Поначалу его брала на себя Бабаня, затем Антигон, теперь вот Матвей. Трехкопейная дева всегда радостно удивлялась, что в холодильнике оказывается еда, в кофейной банке – кофе, а в посудном шкафу – чистые тарелки. Это было приятной деталью, не мешавшей читать, пить бесконечный чай и греть колени ноутбуком.

На тот случай, когда что-то все же приходилось делать, у Ирки выработался забавный способ самозащиты. Если Матвей просил ее, например, дать попить, она немедленно бросала все дела, вскакивала и мчалась выполнять поручение. Но просто так взять и налить воды в чашку казалось слишком легким и недостойным ее огромной любви к Багрову. Матвей должен был увидеть, как она его ценит. Девушка начинала мыть чашку с содой, потому что та казалась недостаточно чистой, а моющее средство слишком химическим. Если соды не было – Ирка шла за ней в магазин. На следующей стадии вода казалась нестерильной, и она начинала ки-

пятить ее, остужая потом феном для волос, поставленным в режим «холодный обдув». Багров уже, махнув рукой, семь раз успевал напиться в туалете из-под крана, а Ирка все еще возилась с чашкой и потом оскорблялась на любимого, что ее старания оказались никому не нужными. Она хмурилась, отворачивалась к стене и переставала разговаривать. Спыхватившийся Матвей утешал ее, качал на коленях и, спеша показать, как он благодарен, с омерзением выпивал пол-литра теплой кипяченой воды.

Зато в следующий раз Багров ни о чем ее не просил, и Ирка втайне была этим очень довольна.

Но сейчас она решила все же вынести мусор. Нарочито кренясь под тяжестью ведра, она прошла мимо Матвея и Даше. Багров стремительно перемещался, стараясь вымотать валькирию множеством перебежек. Сворачивая на аллею, Ирка слышала, как он кричит Даше, что даже чемпиона мира по боксу можно сбить с ног щелчком в лоб, если заставить его пробежать за тобой километров тридцать, изредка бросая в него камень-другой, чтобы не исчезло рвение догонять.

«Он возьмет такси!» – подумала Ирка, подходя с ведром к первой урне.

Мусорных контейнеров внутри парка почти не было, поэтому приходилось делать «подарок городу» – рассеивать мусор небольшими партиями по нескольким урнам. Если постоянно выбрасывать все в ближайшую – рано или поздно местные дворники зададутся вопросом, откуда это берется и

почему всегда в одном и том же месте.

Делая городу третий по счету подарок, Ирка вытряхнула остатки ведра и повернулась, чтобы уйти, но внезапно услышала, как кто-то скулит. Прислушалась. Все было тихо. Снова повернулась, сделала шаг и опять услышала тот же звук. Скулил прислоненный к мусорке черный плотный пакет с чеканным профилем богини Афины. Ирка поставила ведро, подошла и осторожно заглянула внутрь.

Дно пакета еще хлюпало водой. Там лежали щенята, которым, по виду, не было и дня от роду. Скулил один, прижатый их телами так, что морда торчала наружу, как поплавоч. Почему не скулили другие, Ирка поняла почти сразу и громко завизжала. К ней подбежали Матвей и Даша, решившие, что на нее кто-то напал. Багров, не отличавшийся брезгливостью, спокойно разложил щенят на траве.

– Десять штук. Девять мертвых. Один живой, – сказал он.

– Но почему они?..

– Да все же ясно. Кто-то стал топить щенят, причем прямо в пакете, чтобы после руками не брать. Вон, смотри, все мокрые. Потом, видать, нервишки зашалили, все бросил и убежал. Гуманист, блин! – Багров презрительно плюнул.

Потоптался, виновато поглядывая на опрокинутую горем Ирку, собрал щенят в пакет, отошел подальше и рапирой стал вскапывать землю.

Ирка стояла с десятым в руках. Белый, с серой мордой, щенок деловито и слепо тыкался ей мордой в ладони – искал

сосок. В щенке жила одна голова. Туловище, лапы, хвост – все казалось слабым, бестолковым и ненужным. Даша, сцепив руки, в ужасе бегала вокруг Ирки и визжала, что он умрет. Она знает. Она чувствует. У нее интуиция.

Дашины вопли вывели Ирку из замешательства.

– Иди за молоком. Купи в аптеке пару шприцов: один кубика на два, другой где-то на пять, – велела она валькирии.

– Ты что, хочешь колоть ему молоко? Так нельзя! А-а-а! Сдохнет он, сдохнет!

– Молоко и два шприца! И быстро, одна нога здесь, другая там! Только без телепортаций – залипнешь!

Получив четкую цель, Даша, наконец, перестала голосить и умчалась, по-прежнему держа рапиру в руке.

Через минуту вернулся Багров, спокойно вытирая с клинка землю.

– Все готово. Я там плитку от тротуара сверху положил, чтобы собаки не разрыли. А где Дашка?

– Я послала ее за молоком и шприцами.

– Она что, прямо с рапирой убежала? Жаль, посмотреть нельзя. Только представь: запыхавшаяся девица с рапирой влетает в аптеку и орет: «Срочно дайте шприц!»

Не слушая его, Ирка уже шла со щенком к сарайчику. Ее мысли, жизнь, желания были теперь в ладонях, которыми она грела малыша. Держа в одной руке мусорное ведро, а в другой рапиру, Багров шагал за ней и качал головой.

Щенка называли Мик. Вернее, он сам себя так называл, изда-

вая звуки, похожие на «мик», всякий раз, как его брали в руки. Каждые три часа Ирка кормила его из шприца молоком, стараясь не перекармливать, чтобы не вызвать желудочного расстройства, которое привело бы к обезвоживанию. Лучше «недо», чем «пере», причем во всех жизненных ситуациях. Тут Багров, пожалуй, прав.

Через пару дней, разглядывая щенка, Матвей обнаружил у него на груди узкую подсохшую царапину. Там, где она обрывалась, на шерсти было седое пятно размером с пятирублевую монету.

– Надо же! Прямо напротив сердца! Когтем, что ли, кто-то царапнул, – сказал Матвей.

Глава 2

Семь глиняных фигурок

Возможно, существовал момент, когда первое зло было совсем минимальным в сравнении с тем, что стало теперь. Была просто маленькая трещина, нелепая, гадкая и скверная мысль. Постепенно все поползло, расширилось, загноилось, и чем дальше, тем страшнее и омерзительнее. И так в каждом человеке, который приходит в мир. Все начинается с трещины.

Эссиорх

Серым утром, когда время душно залипло где-то между часом маньяков и часом самоубийц, по бескрайнему городу Среднего Тартара тащилась хрупкая старушонка. В пути она была давно – пропылилась и подустала. Старушка плелась по короткой улице, ведущей напрямиком к резиденции Лигула, и ее ничуть не смущало, что в Среднем Тартаре эта улица считалась одной из наиболее опасных. Не всякий канцелярист согласился бы рискнуть полным эйдосов дархом, проходя по ней в одиночку.

Квартала два она прочапала без приключений. Потом из-за обвалившегося забора к ней метнулся Дядя с Червивыми Пальцами, схватил за плечо и разинул жуткий рот с обрубком языка. Старушка спокойно обернулась, деловито огля-

дела Дядю с головы до ног и заботливо застегнула пуговицу на его прогнившей рубашке.

– Чагой ты, милоч, с утраца разманьячился? Ступай-ка, болезный, спать!

И хотя сказано это было более чем добродушно, Дядя с Червивыми Пальцами почему-то заскулил, сник и на четвереньках полез за заборчик.

Старушонка продолжила свой путь. По сторонам не смотрела – обломки Вавилонской башни заинтересовали ее не больше, чем сгоревший дворец царя инков. Лишь у ржавой торпеды с прикованными к ней скелетами в морской форме старушка ненадолго остановилась и сказала: «Эге!» От времени они почти осыпались, но некоторые еще слабо шевелились.

Ей смутно припомнилось, что этой торпедой был протаранен транспорт, перевозящий через Ла-Манш две тысячи детей. Той ночью у нее было много работы. Транспорт тонул медленно, всего в километре от берега, но ночь была бурной, зимнее море штормило, и спасательные суда так и не сумели подойти.

Подобрав юбку, старушонка осторожно перебралась через торпеду и вскоре благополучно достигла резиденции Лигула. Молчаливый страж, широкие ножны которого вмещали сразу два клинка, распахнул перед ней двери. Жалуясь и охая, старушка захромала мимо длинного стола. Канцеляристы скрипели перьями, притворяясь, что не замечают ее. Го-

стье это не понравилось. Она остановилась и будто в поисках платка сунула руку в карман. Через секунду оттуда выпал брусок и, точно живой, резво побежал под стол.

– Ох, бабка старая, руки дырявые! Чем же я косу буду править? Люди мереть перестанут, какая путаница в бумагах! Видно, уж вам, молодым да шустрым, придется в человеческий мир выбираться, мою работенку на себя брать! – запримечала старушка.

Канцеляристы, народец ушлый, правильно поняли намек и сразу полезли под столы искать пропажу. Лишь один, важный, толстый, попытался остаться на месте.

– А ты чего не ищешь, болезный? Расхворался? Спинка не сгибается? Чай, эйдосов много нахапал! Ну да я Лигулу скажу – он тебя полечит! – сладко пропела старушка.

Толстяк скатился под стол с такой поспешностью, что опрокинул лавку. Заставив канцеляристов вдоволь наползаться, гоняясь за шустрым бруском, старушка поманила его к себе тихим свистом, затрюхала к кабинету Лигула и, отмахнувшись от бросившегося помогать охранника, легонько цапнула дверь сухоньким пальчиком.

– Войдите, Аида Плаховна!

Мамзелькина втиснулась в кабинет. Застоявшийся воздух был затхл. Вокруг лампы вертелись мухи. Их отлавливали и ежедневно приносили из верхнего мира, поскольку в самой канцелярии они дохли быстро.

Глава мрака неподвижно сидел на краю стола спиной к

двери. Мамзелькина прислонила косу к стеночке, кашлянула, обозначая свое присутствие, и подошла. Вблизи Лигул оказался не таким уж неподвижным. Его гибкие пальцы что-то быстро лепили из глины. На столе располагались шесть фигурок. Не закончив седьмой голову, Лигул поставил ее рядом с другими и, оторвав край суперобложки от нового каталога суккубов и комиссионеров, принялся чистить ногти.

Пользуясь тем, что хозяин кабинета упорно и явно с каким-то умыслом не замечал ее, Аида Плаховна взяла полистать каталог и тихонько присвистнула, столь громадные намечались изменения. Прежде мрак обходилась двумя моделями: пластилиновыми человечками и состроченными (чаще всего из частей тел, но были иные варианты изготовления) суккубами. Вот уже несколько лет, как Лигул счел это упущением и регулярной выдачей эйдосов щедро финансировал новые разработки.

Страницы пестрели множеством невероятных моделей. Тут были и громадные комиссионеры-спруты, встраивающиеся в фундаменты офисных зданий и просовывающие щупальца во все его помещения через вентиляционные ходы; суккубы без тел, странствующие между трубками мобильных вместе с радиоволнами и заставляющие слышать то, чего сказано не было; простенькие безглазые, безногие комиссионеры, которые с пылью проникали в человеческие дома и вызвали ссоры между родственниками. Днем они обычно дремали, а вечерами просыпались и срабатывали в типо-

вых ситуациях от стандартных фраз, вроде: «Я же просила отрезать колбасу, а не отжирать!», «Что в школе получил?», «Почему посуда грязная?», «Тут лежали деньги!», «А ну-ка дыхни!», «Сама это лопай!», «Ну и где ты сегодня был?» или «Намекни своей мамаше, что свою жизнь она уже прожила! Пусть теперь не лезет в нашу!» Попадались и совсем элементарные, лишенные разума модели, которых и комиссионерами сложно было назвать – просто говорящие предметы, твердящие одно и то же, как заезженная пластинка. Например, зеркало для ванной, тупо повторяющее всякий раз, как в него смотрелись: «Пожалей себя! Ты так устал!»

Вычистив ногти, Лигул свернул запачканную бумажку и забросил ее в рот одного из известнейших французских писателей, прекрасно сохранившаяся голова которого служила мусорной корзиной. Писатель с достоинством сжевал бумажку и едва заметно поморщился. Он презирал Лигула так же сильно, как раньше презирал тех, кто в него верил.

– Как добрались, Аида Плаховна? Без приключений? – приветливо спросил Лигул.

Мамзелькина порылась в памяти, припомнила несколько дорожных стычек, однако приключений не обнаружила. Не считать же за них два-три трупа, оставленных по дороге в разных местах Среднего Тартара. Умненькие глазки гостьи уже дважды вспархивали: один раз на Лигула, другой – на вылепленные фигурки.

– Ну и славно. А здоровье ваше как? – спросил он еще

приветливее.

Старушка дежурно пригорюнилась и охотно начала перечислять болячки. Лигул терпеливо слушал ее минуты две, пока не разобрался, что ему зачитывают «Самолечебник», изданный в Варшаве незадолго до наполеоновских войн. Именно тогда занятая Мамзелькина в последний раз интересовалась своим здоровьем.

— Как-то многовато, Аида Плаховна! И удар у вас, и грудная жаба, и воспаление селезенки, и бубонная чума! А ветрянка так вообще детская болезнь, — сказал он с сомнением.

— Ну не скажи, милай, не скажи! Ты тока пупырушки! Пупырушки посмотри! — обиделась она и, засучив рукав, стала совать Лигулу под нос свое сухонькое запястье.

К величайшему огорчению старушонки, глава мрака «пупырушки» смотреть отказался. Он вежливо отодвинул тщедушную ручку и согласился считать Аиду Плаховну насквозь больной. Потом, будто вскользь, спросил у Мамзелькиной, что та думает о Пуфсе. Довольна ли им и вообще, как, по ее мнению, протекает его трудовая деятельность. Старушка зацокала язычком и вслух подумала о Пуфсе, что он дурак и не стоит шлепка глины на каблуке сапога Ареюшки.

Напоминание об Арее было Лигулу неприятно, о чем отважная Аидушка не могла не догадываться. Владыка поморщился и сухо заметил, что Пуфс, возможно, и не хватает звезд с небес, но показатели отдела выросли на девятнадцать процентов только за два первых квартала. Арей же хоть и

рубил комиссионеров в капусту, да только чаще ограничивался тем, что плющил им носы. Пуфса же эта мелкая дрянь боится до дрожи и трижды подумает, прежде чем зажать лишний эйдос.

– Время героев-одиночек миновало, Аида Плаховна! Мы сильны структурой и дисциплиной. Может, хватит отсебятины? – спросил Лигул напоследок.

– Это не отсебятина, а отменятина, – буркнула Мамзелькина себе под нос. Хотя она и не боялась главу мрака, но все же признавала его власть над собой.

Новый секретарь Лигула, серый и бесцветный, как пепельная тень на грязной стене, возник с подносом, поставил на стол вазочку с вареньем и два стакана в тяжелых железнодорожных подстаканниках. Один – с видом на вокзал города Орла, другой был украшен виноградными гроздьями.

Освободив поднос, секретарь вскинул на хозяина красные глазки, убедился, что новых приказов нет, и исчез за шторой, в незаметном закутке. Там он завожился и, показывая, что ушел, едва слышно чавкнул внутренней дверью. Сам же опустился на маленький стульчик и, глазом припав к дыре в шторе, стал смотреть и слушать.

Он увидел, как Мамзелькина заглянула в стакан и недоверчиво опустила в него костяной палец.

– Что же это такое будет? Не чай ли? – спросила она.

– Чай, Аида Плаховна!

Носик старушки выцвел от разочарования.

– Нам это индийское чудо без надобности. Разве что водочки долить. Водка – продукт универсальный. Хоть в суп добавь – вреда не будет, одне витаминны!

Лигул поморщился и двумя пальцами бережно выудил из вазочки с вареньем муху, которая слабо шевелилась. Глава мрака опустил ее на полировку. Муха быстро побежала, волоча отяжелевшее брюшко, оставлявшее за собой липкий след.

Проводив ее до края стола, Лигул поманил к себе Аиду Плаховну. Старушка придвинулась, почти касаясь лба хозяйина своей черепушкой. Говорили тихо. Как секретарь ни напрягал слух, до него доносились лишь обрывки.

Первую часть разговора он вообще пропустил, ухватил только часть второй, да и то урывками.

– Началось все с рядовой стычки... оказались вдвоем в одном месте... убиты оба... потом еще двое и сразу трое... никакой возможности закончить битву... очень удачно, что свет до сих пор не... – Лигул закончил шептать и отодвинулся от Аиды Плаховны.

– Та самая? – удивленно и одновременно укоризненно переспросила Мамзелькина. – Точно он? Ишь ты! А при мне-то и не заикался! Хитер был Ареюшко!

Быстрым птичьим взглядом старушонка посмотрела на фигурки. Вылеплены они были с большим искусством, но зло и карикатурно. Казалось, тот, кто лепил, видел в человеке только скверное, низкое и дурное, а остальное либо со-

всем от него укрывалось, либо было глубоко неинтересно.

– Ну как? Вы кого-то узнали? – спросил Лигул.

– Ох, милоч, слепа я стала...

– Аида Плаховна!

Старушонка еще чуток поохала, после чего неохотно согласилась, что кое-что ее глаза еще различают.

– Шилов. Прасковья. Мефодий. Варвара. Чимоданов. Мошкин... Мошкин-то едва не рыдает, а Меф на барана похож! Самая суть схвачена!

Лигул не без удовольствия хмыкнул.

– Мне нужна ваша помощь.

Мамзелькина тронула пальцем прогнивший носик.

– Ой, я вас умоляю! А как же ваш распрекрасный Пуфс? – ехидно спросила она.

– Он хорош на своем месте. Тут нужен кто-то поумнее, – спокойно отозвался глава.

Старушка не стала оспаривать, что она сообразительнее Пуфса, но и на лесть не поддалась.

– В мои обязанности это не входит! Что я с этого буду иметь? – недоверчиво прошамкала она.

Лигул сердито задвигал бровками, укоризненно зашевелил пальчиками, однако на Мамзелькину вся эта двигательная гимнастика не произвела ни малейшего впечатления. Поняв это, глава мрака перестал утомлять себя напрасными телодвижениями.

– Ну и что вы хотите? Эйдосов? – устало спросил он.

– К чему они мне? Я хочу пусть не отставку... пусть помощницу, но уже на веки вечные!

– Невозможно. Ваша коса никого другого не признает.

– Признает! – быстро сказала Мамзелькина. – Всего одну в мире, но признает! Смерть не может быть стражем мрака, в стартовый момент жизни она должна быть романтична, нежна и чиста сердцем!

Умирая от любопытства, секретарь подался вперед и качнул ухом занавеску, однако имя так и не было произнесено. Лигул знал его и так.

– А... бывшая одиночка? Девчонка слишком добренькая, со всякими такими представлениями!.. – сказал Лигул, выражая «всякие такие представления» быстрой, но необыкновенно точной гримасой. – Она согласится выкашивать только маньяков, да и то не раньше, чем те соберутся взорвать вселенную! И в самую последнюю секунду примчится дурочка с косой! Рыдания в зрительском зале. Знаю я этих добреньких! Прежде чем распустить руки, они долго притворяются, что им не хочется этого делать!

Мамзелькина резко выпрямилась – зачехленная коса, прислоненная к стене, прыгнула к ней в руки. Глава мрака с тревогой покосился на шевелящийся брезент и вцепился ручкой в цепь своего дарха.

– Я тоже не всегда была *такой*! Про меня говорили, что я прекрасна как рассвет! Утром я ходила в поле, опускалась на колени и целовала цветы! В меня влюблялись, моего внима-

ния искали, из-за меня дрались на дуэли! – сказала Аидушка с какой-то особенной интонацией, точно в высохших песках опять потекла река.

Вспомнив, что было время, когда он горбился только из-за крыльев, Лигул оглянулся через плечо на свою искривленную спину.

– А... ну да! Дуэль! – сказал он кисло. – Смутно припоминаю что-то такое. Один был юный друг Хоорса, а... вот кто же был другой? Неужто сам?..

– Не надо! – сжимая руки, прошептала Мамзелькина. – Это все в прошлом и никогда не вернется! С каждой новой смертью коса делает меня омерзительнее. Я гнию заживо! Пусть уродливой станет другая!

– Не потянет, – с сомнением повторил собеседник.

Аида Плаховна издала странный, похожий на всхлип звук и, отвернувшись, прислонила косу к стене. Увидев это, глава мрака с облегчением разжал пальчики и выпустил сосульку дарха.

– Привыкнет, – глухо отозвалась старушка, теряя простонародный говорок. – Своего первого старика я не могла решиться убить несколько часов, хотя он был похож на мощи и молил о смерти. Подойду и отойду. Подойду и отойду! А через неделю преспокойно косила младенцев. А вот злодеи мне почти не попадались. Среди людей их вообще нет. Даже Гитлер, в сущности, был просто воспаленный фантазиями несчастный дурак. *Своего* зла в нем не было ни капли.

Послышался треск. По потолку кабинета пробежала трещина. Лигул и Мамзелькина разом вскинули головы. Глава мрака побледнел, запрыгал губами, но трещина перестала расплзаться и остановилась. Он вытер ладонью взмокший лоб.

– Ну-ну, Аида Плаховна, вы злоупотребляете своей незаменимостью! – с сухонькой ухмылочкой произнес он. – Брякни вы такое на земле, мне в тот же день принесли бы донос. А здесь – так и быть! Мой кабинет – территория свободных мнений.

– Вот и хорошо. Значит, договорились? Я помогаю вам с тем наследством, что оставил Арей, и с теми... э-э... фигурками, и за это получаю помощницу! Будем работать вместе, – быстро сказала старушка.

– Одной косой? – уточнил глава мрака. – Одна косит, другая в рюкзак складывает?

Глазки Мамзелькиной полыхнули.

– Нет. Мою косу можно продублировать! Есть в мире копье, которое сможет стать второй косой смерти, если изменит свою сущность!

– Какое?

– Новой валькирии каменного копья!

– Это взамен Таамаг? Разве ее уже выбрали? – хмурясь, спросил Лигул.

– Нет. Но это вопрос считанных дней! Так уж случилось, что я нашла ее немного раньше Фулоны. Но и она скоро най-

дет. Тут, главное, исхитриться и получить его прежде валькирии, – сказала Мамзелькина.

Лигул хмыкнул, дразня пальцем раскормленный дарх – мечту любого стража мрака со всех уголков Тартара.

– Ну хорошо! Если так, я не прочь. Мне самому будет забавно, если у вас появится... гм... помощница! Какой удар свету!.. Пожалуй, я даже помогу, – сказал он, растягивая слова.

– Как?

– Через пажа. Если не ошибаюсь, его сердце получено у мрака? – спросил глава канцелярии.

Мамзелькина вскинула черепушку. Взгляды собеседников на мгновение встретились, точно передавая из рук в руки какую-то мысль, и сразу разбежались. Старушонка смиренно опустила глазки в пол, а Лигул, напротив, горделиво возвел их к потолку, но споткнулся о трещину и тревожно поморщился.

Довольно долго они молчали, только секретарь пыхтел за шторкой. Наконец Аида Плаховна протянула воробьиную ручку и деловито загребла седьмую фигурку, с недолепленным и потому неузнаваемым лицом.

– Ну хорошо... Шестерых я знаю. А кто седьмой счастливец?

– Почему как счастливец, так сразу в мужском роде? Ай-ай-ай, Аида Плаховна! А как же девушки? Им нельзя быть счастливыми? – невинным голосом поправил Лигул.

– Это девушка?

– Я не назвал бы ее взрослой женщиной. Хотя во времена пирамид она уже играла на флейте, – еще елейнее уточнил канцелярский божок.

Глазки Мамзелькиной вспыхнули.

– На флейте? Так вы о...? Но она же в...!

Произнести слово «Эдем» Аида Плаховна не решилась и лишь перепорхнула глазками на потолок, будто та, чье имя так и не прозвучало, летала где-то среди мух.

– Да, именно там. Но уверен, Троил вернет ее.

– С какой радости? Не по нашей же просьбе?

– При чем тут просьбы? Троил идеалист, а они предсказуемы. У мрака всегда в запасе два поступка: помочь или не помочь, убить или не убить, вмешаться или не вмешаться, а у света только один.

Лигул спустился со стола, коленями встал на стул и принялся расставлять глиняные фигурки, сгибая им руки и ноги и придавая различные положения. Деревянным, из зубочистки сделанным копьём в руке у новой валькирии он поразил в живот Чимоданова, заставив орудие выглянуть у него из спины. Однако и фигурка Петруччо не осталась в долгу. Топором, зажатым в руке у Чимоданова, Лигул расколол затылок Прасковье и тотчас заставил фигурку Шилова напасть на валькирию, захлестнув ее шею сделанным из нитки кнутом.

Аида Плаховна с интересом наблюдала за этой глиняной

войной.

– Разумеется, это не куклы вуду! Не стану ручаться, что битва будет протекать так, как я ее изобразил, – с сожалением сказал Лигул. – Возможно, Шилов прикончит всех или будет убит первым. Или Прасковья испепелит Чимоданова прежде, чем тот вообще вспомнит, что у него есть топор... Для нас это не имеет значения! Главное, что в этом сражении Мефодий и эта седьмая, с флейтой, против воли окажутся по разные стороны баррикад.

– Что-о? – Мамзелькина вытянула шейку.

– Самый приятный момент! Такое сражение едва ли сможет завершиться бескровно, и Меф в нем выступит против Дафны! Человек впервые в истории убьет того, кто охранял его все эти годы! Какой символ! – Лигул взял из рук у Аиды Плаховны недолепленную фигурку и сильным щелчком пальца сбил с нее голову.

Глава 3

«Свободное жулье»

Я тщеславна и хочу чего-то большего, – не меньше, чем получить царство и спасти человечество, но никогда ничего не получаю и никого не спасаю. А ведь шевелится где-то внутри мысль: чтобы свет тебя возвеличил, надо сделать что-то маленькое, пусть неприметное, но тщательно и с огромной любовью. И тогда произойдет чудо.
Из записной книжки Ирки

– Картухин! Где ваша последняя лабораторная?.. Картухин, ау!

При повторном звучании имени от сожженного кислотой стола пугливо отрывается большая голова, похожая на украшенный ушами капустный кочан. Он так тяжел, так устал сам от себя, что большую часть занятий дремлет, уткнувшись в руки и закрыв глаза.

– Лабораторная? Я думал...

– Думать – удел мыслителей! Боруха Спинозы, Блеза Паскаля и далее по списку! Ваш удел, Картухин, жалкий маленький удел, вовремя выполнять задания! Ваш курс самый бездарный за двадцать семь... нет, двадцать восемь лет моей работы на биофаке!!! Хотя я еще не на пенсии, и возможны сюрпризы! Сюрпризы!

Доцент Замрущев походил на бритого садового гнома. Маленький, с крошечными ручками, в ослепительно белом халатике и греющей лысину шелковой шапочке, он был, пожалуй, самым забавным преподавателем на биофаке. Его занятия походили на бесконечную клоунаду. Такой была даже его привычка повторять все по два раза.

При всем том, по рассказам старших курсов, получить у него на экзамене выше тройки было нереально. «Я сам знаю не выше, чем на четыре с плюсом!» – говорил он, размахисто расписываясь в зачетке.

Существовала и другая коронная фраза, которую доцент приберегал для экзамена, как вор приберегает кастет. «Если человек не может выразить свою мысль внятно в трех-пяти предложениях, значит у него нет никакой мысли!» – говорил Замрущев, ставя «неуд.» буквально после первых десяти секунд ответа.

Но пока до экзамена было еще далеко.

– Что главное в любом опыте? Опыте? – продолжал он, бегая по аудитории от одного солнечного пятна у окна до другого, от приоткрытой форточки до дверей. – Хорошо, хорошо. С мылом, с мылом. Вымыть руки. А затем навести справки, а нужен ли этот опыт вообще. Ваша проблема в том, что вы стучите не в закрытую дверь, а в открытую! А некоторые стучат даже там, где и двери никакой нет. Мой прошлый аспирант убил семьдесят крыс, чтобы доказать, что регулярно принимаемый 9 %-ный спирт разрушает мозг и печень. Он

этого так не знал? Не знал?

Группа торопливо засмеялась, зная, что Замрущев, как истинный комик, ценит только благодарную аудиторию. Не улыбнулся только Меф, который, отвлекшись, ручкой гонял по столу муравья, создавая для него горы и искусственные препятствия. Его поражала способность муравья все начинать заново, не унывая, не тратя время на пустые страдания, досаду и раскачку.

Доцент поднес палец к губам, подкрался и, радостно вскрикнув «Ночь!», накрыл муравья своей шелковой шапочкой.

Буслаев удивленно вскинул лицо.

– Мефодий, Мефодий! – запел Замрущев. – Я давно к вам присматриваюсь! Вы славный молодой человек! Красивый! С волосами! Думаю, у вас золотые руки, хотя я и не делал химическую пробу! При всем том у вас есть серьезный изъ-ян! Изъян! Вы недоверчивы. Вторгаетесь в область практики там, где можно обойтись теорией. Теорией. Зачем доказывать, что, если ткнуть иголкой в руку, пойдет кровь? Поверьте хоть раз кому-то на слово! На слово! Нельзя пойти далеко в науке, каждый день изобретая велосипеды. Велосипеды.

– Баран он! – наябедничал приятель Мефа по фамилии Манский. Все дразнили его Маннокашкин или просто Кашкин.

– Почему баран? – мгновенно заинтересовался Замрущев, обожавший сплетни так сильно, как это делают только садо-

вые гномы.

– Вчера погрузил меня в 59-й троллейбус, хотя я говорил ему, что он идет к Серебряному Бору! Просыпаюсь, вокруг черная ночь, а надо мной водитель склонился и подсовывает мне под голову куртку!

– Погрузил, говоришь? Что, прямо так насильно? – быстро переспросил Замрущев.

Манский-Кашкин смутился и что-то залепетал. Внимание Замрущева прочно переключилось на него, и Буслаев был оставлен в покое.

«А ведь все верно, – подумал Меф. – Сколько раз мне повторяли, что идти к свету – это всегда боль, потому что мы пропитаны мраком, а он так просто не отпускает. Я же пытаюсь это перепроверить. Все хочу как-нибудь извернуться и проскочить без боли. Отдайте мне Дафну и отстаньте от меня – вот моя мечта!»

Он наклонился над столом и обнаружил, что муравей исчез. Вероятнее всего, перелез на шапочку Замрущева и вместе с ней переселился на его лысину. Меф хотел сказать об этом доценту, но потом подумал, что это будет лишняя информация.

Трескучий звонок подарил группе свободу.

– Минуту, господа! – строго сказал Замрущев, постукивая пальцем по столу. – Дайте мне шанс вложить в ваши головы хоть одну мысль! Способность любить науку важнее учебы. Преподавать надо не предмет, а любовь к предмету. Сам не

понял, что сказал, но звучит умно. Все! Свободны! Можете деградировать! Или, как это сейчас модно говорить, эволюционировать!

Этот семинар был последним. После него стояла еще, правда, этика, но ее всегда помещали седьмой парой, чтобы можно было благополучно слинять.

Правда, улизнуть Мефу оказалось не так просто. Широкая натура Манского-Кашкина, которой не хватило ночной поездки в троллейбусе, требовала продолжения банкета. В присутствии восьми девушек их группы он громко стал звать Мефа к фонтану у Гэ-Зэ¹, чтобы познакомиться там с какими-нибудь нормальными девушками.

– Хочешь великую биологическую тайну? Ненормальных девушек относительно немного. И все они, как правило, надежно изолированы, – нравоучительно сказал Буслаев и, отделавшись от приятеля, пошел к лифту.

По дороге Меф развлекался тем, что маркером переправлял на факультетских досках объявления. «Свободное жилье» переделал в «Свободное жулье», добавив яркую и нравную завитушку, а «Уголок потребителя» в буфете стал «Уголком употребителя».

Лучше бы он, конечно, в буфет не заходил, потому что там его подстерегала Лада из Подольска. Это была бледная, всегда очень тепло одетая девушка, пожалуй, даже хорошенькая, но это как-то не замечалось, потому что на лице у нее

¹ Главное здание МГУ им. М. В. Ломоносова.

был вечный испуг.

На курсе Ладу называли Миссис Трабл.

Если со шкафа падал тубус с картами – можно было не сомневаться, что упал он на нее. Если сломалась ручка в туалете и кто-то оказался запертым внутри – это, конечно, тоже была Лада. Ее кусали тишайшие жертвенные лабораторные крысы, двери охотились за пальцами, а зубец сломавшейся пластиковой вилки ухитрялся так застрять между передними зубами, что выковыривать приходилось кончиком шила.

Разумеется, рядом с такой девушкой всегда должен находиться супергерой, который вышибает плечом хлипкие двери туалетов, чинит отлетевшие каблуки и доступно объясняет лежащей у биофака ленивой дворняге, что совсем необязательно всякий раз лаять на одного и того же человека, когда мимо тебя идет целая толпа.

И вот, зорко обозрев курс своими близоруко-всевидающими глазами, Лада выбрала своим супергероем Мефа и уже почти полгода не оставляла его в покое.

– Мефодий! – крикнула Лада, на радостях роняя себе на колени стаканчик и опрокидывая стул. – У меня сломалась молния на сумке! Ужасная, адская ситуация! Ты не посмотришь?

– Посмотрю, – пообещал парень и, выполняя обещание, вежливо изучил молнию. Потом повернулся и пошел.

– Ты куда, мальчик-герой! А чинить?

– Не сломалась она. Край платка застрял.

– Правда? – поразила Лада. – Так вот в чем дело! И как ты догадался? Это же невероятно сложно!

Меф с усилием сохранял на лице вежливое выражение. Лада его ужасно раздражала. И не только своей патентованной беспомощностью. Если бы спросили, на какое животное она похожа, он, не задумываясь, ответил бы: «На лису». Именно так: вкрадчивая, улыбчивая, передвигающаяся полубоком, точно плывущая. Не просто врет, а врет всегда. Где вчера была? Ответит «в кино», хотя просто гуляла. Какой хлеб покупаешь: белый или черный? Если ответит «белый», значит, покупает черный. Даже время у нее спрашивать опасно. Ответит «без пяти десять», а будет без пятнадцати. А зачем соврала, и сама объяснить не сможет. Как-то само совралось.

Буслаев выпутал из молнии застрявший платок и рванул к выходу. Уже на пороге его догнал очередной вопль: «Мефодий! Подожди!» Буслаев остановился, убежденный, что за прошедшие три секунды у девушки еще что-нибудь сломалось, потерялось или испачкалось.

– Чего тебе? – спросил он опасливо.

Глаза Лады – огромные, как два блюда – трагически глядели на него. В каждом Меф видел себя – спешащего молодого человека со скрещенными на груди руками.

– Ты сейчас подумаешь, что я ку-ку! Ты же так не считаешь? – с мольбой спросила Лада.

– Конечно, нет! – сказал Мефодий.

Лада с облегчением вздохнула.

– Мефодий, – торжественно продолжала она. – Думай про меня, что хочешь! Топчи меня ногами, презирай! Я тебе все прощу!

– Ну да. Здорово. Буду иметь в виду, – осторожно откликнулся Мефодий, замечая, что на соседних столиках очень заинтересовались подробностями. Две девушки даже забыли жевать, рискуя остаться голодными.

Он взял Ладу за локоть и отвел к окну. Девушки поневоле перестали подслушивать и вернулись к наматыванию вермишели на легко ломающиеся пластиковые вилки.

Она прижала руки к груди.

– Ты не понимаешь! Ты меня даже не слушаешь! ЗА ТОБОЙ КТО-ТО СЛЕДИЛ!

– Да? – Буслаев с сомнением оглянулся на дверь.

– Нет! Оттуда! Я сама видела! – Лада, дрожа, показала на стену.

Между горшками с комнатным виноградом висела большая картина маслом. Называлась она «Березовая роща» и ничего крамольнее березок не содержала. По ним, безуспешно пытаясь совершить прогулку на природе, ползали мухи.

Лада подбежала к холсту и тревожно разглядывала его вблизи.

– Тут! Между этими двумя деревьями! Кто-то высунул голову, посмотрел, куда ты идешь, и скрылся!

Буслаев задумчиво ковырнул ногтем пыльное масло. По-

верить Миссис Трабл? Да никогда в жизни! Лучше он и дальше будет проявлять мелкий героизм, защищая ее от захлопывающихся дверей, пауков и капель конденсата из текущего кондиционера.

– Думаю, это были зеленые человечки... Они, знаешь, любят ошиваться в буфете, – заявил он.

Лада жалобно смотрела на него.

– Я клянусь! Ты же не считаешь меня больной? Ведь правда?

Меф увильнул от прямого ответа.

– И как он выглядел? Ну, этот... между деревьями?

– Маленький, толстый, с усами! И челка у него такая вся... под горшок! – выпалила Миссис Трабл.

Мефодий снова оглянулся на картину. Между корнями березы в траве лежало что-то малозаметное, светло-зеленое, с белой оторочкой. Скорее всего, шапка.

– А одет он был как? В синее или зеленое? – спросил Меф.

Миссис Трабл мучительно попыталась не соврать: лицо у нее задрожало от напряжения, кончик носа побелел.

– В... в... в... синее, – ответила она.

– Значит, в зеленое, – пробормотал Буслаев и снова посмотрел на картину.

Точнее, попытался. Между корнями ничего уже не было – шапка с белой оторочкой исчезла.

Меф вышел на улицу. Москва захлебывалась в осени, такой сказочно яркой, что просто не могла не оказаться краткой. Все с тревогой ждали проливных дождей, как ждут несчастья во время безоблачного счастья. Дожди, конечно, уже шли, но ночные, легкие. В мелких лужицах на асфальте клочками отражалось небо. Весело было наблюдать, как какая-нибудь белая тучка беспокойным барашком прыгает из одной лужи в другую, пока совсем не исчезнет где-нибудь за поворотом дорожки. Солнце изливалось на желтые листья, и казалось, что они светятся сами по себе. Каждая козявка, выползшая на упавший желтый лист, каждый цветок на клумбе, каждая сидящая на ограде птица кричали: «Я есмь! Я существую! Это мой город! Мой мир! Моя вселенная! Мое мгновение жизни!»

Ощущение слезки не покидало Мефодия, но слезки осторожной и не назойливой. Он ускорился, несколько раз поменял направление движения и потом долго стоял у зеркальной витрины, притворяясь, что его очень заинтересовали кастрюли и фирменные ножи. Никого и ничего.

Тот, кто следил, делал это грамотно и неуловимо, возникая то на рекламе авиалиний рядом с марципанового облика барышней с таким пухлым ртом, точно ее в губы ужалила оса, то в луже рядом с барашковой тучей, то выглядывая из

водосточной трубы, на миг высовывая и сразу пряча любопытную голову.

«Суккуб, что ли? Или комиссионер?» – соображал Меф, однако отклика в душе не получил, решив, что едва ли угадал.

Ехать в общежитие озеленителей Буслаеву не хотелось. В последнее время там стало слишком беспокойно. То пожар, то прорыв водопровода, то в окно на верхнем этаже влетит вдруг на полную длину тяжелая парковая скамейка, когда кто-то неосторожно швырнет в форточку пивную банку и она упадет у ног проходящей Прасковьи. Озеленители суеверно притихли, перестали галдеть по ночам и резать баранов на баскетбольной площадке и к себе в каменные норки пробирались трусливо, вдоль стенок, втягивая головы в плечи.

Особенно тихо они вели себя рядом с 70-й комнатой, в которой жила молчаливая девушка, а с ней два неразлучных друга – Зигя и Виктор Шилов.

С последним Прасковья, вопреки всем ожиданиям, неплохо поладила. Оба они тартарианцы, и это сближало, несмотря на разность привычек. Шилов при необходимости мог пообедать и тухлой рыбой из ближайшего мусорника, разделив ее осколком там же найденной бутылки. Прасковья же не согласилась бы есть и черную икру, упади на нее тень какого-нибудь нестерильного предмета.

При всех очевидных тараканах своей новой соседки Меф

ловил себя на мысли, что относится к ней гораздо терпимее, чем прежде. Безотносительно к свету и мраку, с каждым днем он понимал ее все лучше. И порой вспоминал слова, сказанные про Прасковью Ирккой:

«Мое основное отличие от нее – что я иногда проигрываю ситуацию в голове, а она мыслит поступками. Каждая ее мысль равна поступку. Захотела разнести – разнесла. Захотела поджечь – подожгла. Захотела убить – убила. Но не факт, что я лучше. Ведь то, что она делает, я совершаю в мыслях. И мысли мои гораздо страшнее любых поступков Прасковьи, потому что я сложнее ее. То есть внешне вроде как действия хуже мыслей, а на деле я чувствую наоборот. Куда ж тут нос задирать?»

Меф шагал вдоль проспекта, изредка от полноты сил прыгая за низко висевшими листьями, и думал о чем угодно: о чудящей Улите, купившей своему нерожденному ребенку ролики; о Корнелии, который, устав воевать с непослушной флейтой, раздобыл для охраны Варвары травматический пистолет и уже нанес им первую травму: уронил его себе на ногу так, что получил трещину мизинца.

Еще Меф думал о спате, к которой лишь изредка порывался сердцем и потому чаще всего не был достоин того, чтобы она служила ему. В результате грозное оружие лежало у него без дела.

Как-то к нему в общежитие приехал Эдя, оказавшийся в городе неподалеку и решивший заглянуть. С собой он прита-

щил палку копченой колбасы и, бродя по комнате, искал, чем ее отрезать. Меф валялся на диване, домучивая брошюру по биофизике. Парню никто не задавал ее читать, но у него был принцип – если что-то начал, нужно закончить. Шатавшийся Эдя дошатался до кухонного стола и там затих.

«А нормальный ножик у тебя есть? Или только эта тупая ржавчина?» – услышал Меф его голос и что-то рассеянно промычал в ответ. Эдя продолжал топтаться и пыхтеть.

Меф дочитал одну страницу брошюры, перелистнул другую. Попутно он вяло соображал, что Эдя назвал «тупой ржавчиной». Когда же, наконец, сообразил, то вскочил с громким воплем. Гость сосредоточенно и безнадежно пилил спатой копченую колбасу. Оружие не убило его, не опалило руки, видимо, понимая, с кем имеет дело, но, с другой стороны, и до колбасы не снизошло.

Меф же раз и навсегда понял важную для себя вещь: каждый предмет света имеет ценность в той мере, в которой сам человек верит в нее. Если веры нет, можно иметь у себя самое совершенное оружие света – но оказаться неспособным отпилить даже колбасу.

Еще он думал об универе, который больше не вызывал тех же неумных восторгов, что и в первые дни. Иллюзии мало-помалу рассеивались, и кое-кто с курса уже сгинул, разочаровавшись кто в образовании, кто в биологии, а скорее всего, просто сдувшись. Труднее всего любить то, с чем связана твоя жизнь. Педагогу сложнее всего любить детей, вра-

чу – назойливых больных, компьютерщику – софт и железо, а садовнику – растения. Бывают моменты, когда каждому из них кажется, что он ненавидит свою работу. Однако в такой ненависти, усталости и раздражении часто больше привязанности, чем в сюсюкающей и показной любви, которая обо-жает гладить по головке и пускать пузыристые слюни ничего не стоящих восторгов.

Все это Меф не то, чтобы ясно формулировал для себя в словах и понятиях, а скорее улавливал в целом, добывая раз и навсегда выбранный путь фирменным буслаевским упрямством.

Только об одном Мефодий старался не думать: о Дафне. Это было внутреннее табу. Он знал, что всякая мысль о ней, даже случайная, неминуемо вызовет целую цепочку других, и закончится все тем, что он будет бить кулаками по стволам деревьев или отжиматься как бешеный.

Неожиданно размеренный строй мыслей растолкала одна с грифом «срочно!». Меф вспомнил, что должен зайти к своему научному, чтобы заверить тему курсовика. Это надо было сделать еще в июне, а он дотянул до сентября, поскольку не исключал, что летом его убьют и можно будет не возиться. С научными все было сложно. Их было два. Первый – деятельный и молодой, не мог руководить, поскольку не имел еще нужной ученой степени. Другой был почетный старичок, заслуженный с головы и до ног, имевший кучу званий и степеней. Его именем были названы улица в провинциаль-

ном городе, в котором он когда-то родился, и целое ответвление в биологии. Сейчас старичка привозили в университет на такси дважды в год, на открытие значимых конференций. В остальное время он тихо дремал в кресле, изредка принимая студентов или великодушно ставя свое имя под готовыми рецензиями.

Жил он тут же, недалеко от универа. Меф потому и вспомнил о нем, что внезапно углядел за более низкими крышами красный карандаш его нового дома. Проверив, с собой ли бумажка на подпись, Буслаев перешел проспект, попетлял по знакомым улицам и вскоре оказался у подъезда. Набрал на домофоне номер квартиры и, услышав голос, сказал: «Факультет». Замок щелкнул. Меф вошел.

Подъезд был самый обычный для нового дома среднекрутого класса. Вся левая стена чешуилась бумажками, отражавшими ругань между управляющей компанией дома и каким-то ТСЖ. Переплаты за воду, незаконная сдача в аренду подвала, разоблачения фальшивых списков с подписями «мертвых душ». Чаще всего попадалась сделанная тайком фотография какого-то «врушки Гаврилкина», бывшего председателя, который вывел своего доbermana без намордника, хотя на собраниях гнобил всех за это же самое.

«Вот где можно маркером разгуляться! Ирка бы оценила!» – подумал Меф. Свою свежую привычку править объявления он заимствовал у нее месяц назад. Правда, Трехкопейная дева делала это культурно, карандашиком и в огром-

ных Сокольников, где ее сложновато было поймать. Меф же, как всегда, придал делу размах, риск и авантюренность.

В стеклянном загончике дремала консержка. Рядом с ее головой стоял электрический чайник.

– Здрасьте! – сказал Меф чайнику и прошел к лифту.

Профессор жил на двадцать первом этаже. Мефодий нажал на кнопку. Двери закрылись. Пол едва заметно задрожал. Именно в эту секунду Буслаев ощутил, что в лифте находится не один. Он резко обернулся, привычно забрасывая руку за плечо, где в рюкзаке лежал катар Арея, намного более удобный в каждодневном ношении, чем спата. Правда, катар так и не выхватил – на Мефа никто не нападал. У самой стеночки стоял человечек крошечного роста, кургузо и смешно одетый в зеленую ткань, похожую на прорезанную занавеску. Мефу он едва доставал до пояса.

У него были лихо торчащие пушистые усы, делавшие его похожим на кота, начесанная на лоб челка и яркие помидорные щеки. Задиристая голова выпивохи и бретера венчала круглое туловище, широкое, как бочка, но бодрое, упругое, налитое прыгучей силой. Из-за толщины геометрия этого туловища была нарушена, отчего казалось, что в ширину он гораздо больше, чем в высоту.

«Это тот, что шел за мной от универа!» – сообразил Меф.

– Кикимор? – ляпнул он, вспоминая Антигона, на которого незнакомец неуловимо смахивал.

Краснощекое лицо оскорбленно дрогнуло, пушистые

длинные усы рванулись вверх, после чего лифт остановился так резко, словно кто-то обрубил трос. Свет мигнул и погас. Не удержавшись на ногах, Меф завалился на усатого. Дернулся, сбросил рюкзак, вскочил. Резинка, сдерживающая волосы, зацепилась за что-то и лопнула. Волосы разметались по плечам.

– Ты что, с ума сошел? – крикнул он.

Глаза Мефа жадно пили темноту, привыкая к ней. Рука нашарила катар. Мало ли как сложится. Наемные убийцы не всегда бывают огромного роста.

Несколько секунд спустя свет вспыхнул вновь. Мефодий обнаружил, что в кабине никого нет. Крошечный задира с помидорными щеками исчез. Рюкзак валялся на полу, все его содержимое было раскидано по лифту. Меф спрятал катар и стал ползать по полу, торопливо и без разбора забрасывая вещи обратно. Он еще не закончил, когда лифт добрался до двадцать первого этажа и, отдуваясь, раздвинул двери. Отыскав на полу порванную резинку, Меф кое-как связал ее, после чего с усилием заправил под нее тяжелые волосы. Посмотрев на себя в зеркало и убедившись, что хотя бы внешне он походит на приличного человека, Буслаев вышел на площадку и позвонил.

– Войдите! – громко сказали ему из коридора.

Меф потянул ручку.

Открывший ему академик вполне вписывался в известную схему Мефа, что истинный талант в науке никогда не

выглядит таковым. Он был маленьким, кособоким, с серебряными зубами и прыгал по коридору боком, как воробей. На макушке торчал забавный хохолок.

– Как ваша фамилия? – строго спросил он у студента.

– Буслаев, – сказал Мефодий, хотя они виделись уже раза четыре и однажды даже вместе пили чай.

– А-а, да-да! Где нужно подписать?

Мефодий, не глядя, сунул руку в рюкзак и протянул листок. Академик некоторое время, шевеля бровями, скользил по строчкам.

– Это точно ваша тема? Довольно оригинальная, – сказал он с некоторым сомнением.

– Мне тоже не особо. Но какую утвердили! – энергично ответил Меф.

Академик вздохнул, подумал немного и подписал. Потом допрыгал к окну и глянул в запыленное стекло.

– На улице как? Тепло?

– Тепло, – признал Меф.

– Аллея-то наша желтая?

– Желтая.

Академик вздохнул.

– Высоко живу. Над жизнью. Осени не видно. Как, вы ска-
зали, ваша фамилия?

– Буслаев!

– Ну, успехов вам, господин Буслаев! Заходите, если буду
нужен! А интересы свои в выборе тем вы все же защищайте!

Только в лифте Меф удосужился взглянуть на бумагу, которую подписал академик. К его удивлению, это была совсем не та принтерная страница, которую ему дали на кафедре. В руках он держал мятый, желтоватый лист, причем даже не один, а несколько. Между собой они были скреплены ржавой скрепкой. Подпись профессора сиротливо ютилась внизу первой страницы.

Так вот почему он скромно спрашивал: «Ваша ли эта тема?» Меф расхохотался, оценив деликатность маститого ученого. Он уже хотел вернуться и даже попытался остановить лифт, но скользнул взглядом по тексту и палец его замер, так и не коснувшись кнопки «стоп».

Меф узнал твердые решительные буквы, каждая из которых кричала: «Я – Арей! И я Арей! И я тоже Арей!»

Пернач Гарна

Ударное оружие. На дубовое древко со следами драконьих зубов насажены бронзовые перья-пластины. Наделен способностью нейтрализовать магические свойства любого оружия и выбивать артефактные мечи, даже те, которые считаются непобедимыми.

В бою обладает большой запальчивостью. Плохо отличает своих от чужих, вследствие чего опасно использовать пернач в групповом бою. Не защищает от иллюзорного, призрачного оружия и штопорных маголодий.

Преследующий нож Элдера

Похож на обычный десертный нож. Имеет затупленный конец, тяжелую металлическую рукоять и посредственные режущие качества. В лезвии – небольшое отверстие. Если через него посмотреть на человека или стража, а потом метнуть нож, то он будет преследовать этого человека или стража вечно – и днем и ночью, не давая ему ни минуты покоя.

Именно им был убит считавшийся неуязвимым великан Восьмибрунн. Нож поразил великана на сотый день охоты, залетев ему в ноздрю во время чиха.

Очень упорный нож. Невозможно остановить никакой магией. Единственный способ его отвлечь – подбрасывать непрерывно свежие фрукты, на которые тот отвлекается.

Пилум Шоша

Метательное копьё с шаром-утяжелителем для устойчивости в полете. В момент броска пилум абсолютно невидим для противника. Попад в цель, пробивает любую защиту, за исключением щита валькирий, холицовой рубахи Бробуса, щита Ахилла и обнуляющей татуировки Хорна, нанесенной на кожу младенца в первые полчаса после его рождения. Трудноуязвим для отводящей и запутывающей магии.

Уступает копьям валькирий.

Поющая секира Верда

Внешне походит на египетскую секиру. Заточенный полумесяц с двух сторон надежно прикреплен к древку. На ударной части зазубрины и следы ржавчины. В бою издает воющие либо лающие звуки, заглушающие и блокирующие атакующие маголодии света первых трех уровней сложности.

Во время использования в лесах секира Верда способна петь нежным женским голосом или звать на помощь, привлекая путников в чащу, где беспощадно с ними расправляется.

Раны от секиры Верда напоминают укусы оборотня. Они не заживают и не затягиваются. Кормить ее нужно еженедельно, сырым мясом, в противном случае она может стать опасной для хозяина.

Этой секирой Верд зарубил двух циклопов с острова Клеос и стража второго ранга Гомункулюса, обладателя трех редчайших эйдосов, принадлежащих близнецам.

Флейта Лебера

Деревянная блок-флейта, одна из самых совершенных флейт света. Изготовлена из красного дерева. Имеет семь пальцевых отверстий на лицевой стороне и одно на тыльной. При необходимости в отверстие на тыльной стороне может быть вставлен штык. Флейта Лебера усиливает атакующую магию в десять раз. Особенно опасна для драконов, оборотней, мавок и прочих существ стихийного мира.

Практически единственная флейта света, которая «ра-

ботает» под водой и в безвоздушном пространстве. Кроме того, клювовидный мундштук позволяет владельцу дышать на океанском дне или под землей.

Минусы: ослабляет защитную магию, что делает владельца беззащитным для любой опережающей атаки. Длина флейты (около 1 метра 80 см) затрудняет ее скрытое ношение.

Наделена острым чувством справедливости. Способна вмешаться, если кто-то неправильно разделил сухарики или взял себе большое яблоко, а другу дал маленькое. По слухам, именно из-за нее был разрушен Карфаген. Карфагенский наемник, покупая тыкву, расплатился со старухой фальшивой монетой, и флейта, обидевшись, открыла ворота города для римлян.

Поперечная флейта Мероха

Мощное оружие, поражающее противника на любой дистанции. Защищает от ядов, уныния, робости и сумеречных состояний. Сама исправляет погрешности владельца, вследствие чего невосприимчива к ошибкам в маголодиях.

Она довольно капризная. Так, к ней нельзя прикасаться влажными руками. Кроме того, помнит любое дурное слово, сказанное в ее адрес, и может обращать маголодии на своего владельца. Средний срок злопамятности флейты составляет около четырехсот лет.

Среди минусов можно отметить крайнюю самонадеян-

ность. Часто переиначивает маголодии или изменяет их на свой вкус. Кроме того, флейте Мероха присущ максимализм. К примеру, если вы собрались вскипятить стакан воды, то лучше не делать это на берегу озера. Она может перепутать и вскипятить озеро.

Очень ревнива. Не позволяет владельцу брать в руки другой музыкальный инструмент.

Свирель Корна

Традиционной формы греческая свирель. Состоит из семи тростниковых трубочек разной длины. Атакующие качества – средние, защитные – высокие. Ее владелец может не опасаться никакого оружия мрака, за исключением ряда артефактов (рапира Пулиуса, меч Лилла, пилум Шоша и т. д.).

Минус свирели в том, что она неправильно оценивает масштабность проблем, следовательно, нарушается последовательность их решения. Поэтому у того, кто играет на ней, может искажаться чувство реальности. К примеру, хозяин свирели Корна способен выпутывать из паутины муху, хотя рядом убивают человека.

Не исключено, что со временем она может мутировать и перестанет быть оружием света.

Мефодий заканчивал читать уже в подъезде, у книжного шкафа, куда жители дома складывали старые книги и журна-

лы для взаимообмена. Память подсказывала, что Арей всегда серьезно относился к особенностям артефактного оружия стражей мрака и света. Не только тех, с которыми собирался сражаться, но и тех, с кем судьба могла схлестнуть его неожиданно. Мастерство мастерством, но полагаться только на него опасно. В магическом мире можно погибнуть и от зубочистки.

Буслаев сжимал желтоватые листки и пытался понять, как эти страницы оказались у него. Он достал их из рюкзака, совершенно точно! Но как они там оказались? Ага, в лифте он собирал рассыпавшиеся бумажки. Значит, их потерял или специально оставил тот бешеный помидор с торчащими усами, всплывший, когда Меф назвал его «кикимором».

Но откуда у него список артефактного оружия, выполненный рукой Арея? Страницы не давали Мефу никакой подсказки, сколько он ее ни искал. И на свет смотрел, и с обратной стороны заглядывал – ничего.

Проснувшаяся консьержка посматривала на Мефа с беспокойством. Она уже трижды проходила мимо него с чайником, притворяясь, что ей нужно налить воды. Присутствие волосатого молодого человека рядом с ее боевым постом тревожило старушку. Кто их знает, этих длинноволосых! Стоит себе вот так, как порядочный, а потом треснет ее по голове тумбочкой или украдет телевизор.

Решив не тревожить консьержку, Меф вышел во двор и, ослепленный солнцем, на секунду поднес ладонь к глазам.

Когда он отнял ее, первым, кого Меф увидел, была Дафна. Она стояла у футбольной площадки и испуганно махала руками, словно предупреждая о чем-то. Не раздумывая, он бросился к ней. За спиной что-то пронеслось, больно толкнув Буслаева в левую лопатку. Меф упал, перекатился через голову и вскочил, готовый защищаться. Еще во время падения он успел увидеть, что Дафна исчезла.

В стволе старого клена торчало копье с узким злым лезвием. Древко недовольно дрожало, словно никак не могло простить себе промах.

Меф обшарил взглядом кустарник, откуда могли метнуть копье, но никого не увидел. Тот, кто умел их бросать, умел и скрываться. Нелепо было предполагать, что он промахнулся. Если бы Мефодию не померещилась Дафна и он не рванул бы вперед, копье торчало бы в нем.

Буслаев подбежал к клену, настороженно разглядывая копье, едва не ставшее причиной его смерти. На древке он увидел шар-утяжелитель, кованый, с заметными закусками молота. Остаться здесь было опасно. Возможно, затаившийся недруг готовит для броска второе копье. Буслаев не стал искушать судьбу и телепортировал.

Телепортация получилась непродуманной. В последнее мгновение, уже окутанный золотым дробящим сиянием, Меф спохватился, что на обычной площадке, которую он чаще всего представлял себе, переносясь к общежитию озеленителей, вчера вечером поставили сетчатый загончик для

торговли арбузами. Отменять телепортацию было поздно, мысли Мефодия лихорадочно заметались, и он кое-как представил себе зеленый щит со схемой Сокольников.

Спустя несколько мгновений Буслаев уже стоял около него. Парня шатало, виски раскалывались от боли. Каблук правого ботинка застрял в асфальте, и высвободить его так и не получилось. Пришлось укорачивать его катаром, оставив в асфальте торчащий огрызок. Хромая из-за отрезанного каблука, Буслаев направился к Ирке, но до сарайчика не дошел, заметив на поляне мелькание двух знакомых фигур. Со ста метров Ирка и Багров казались играющими в бадминтон, только на очень близкой дистанции.

Меф осторожно приблизился, стараясь не бросаться в глаза, прислонился плечом к дереву и стал наблюдать за «бадминтонистами». Ирка рункой отбивалась от Матвея, который нападал на нее со шпагой в одной руке и дагой в другой. Следить за боем было интересно, особенно за Матвеем. В работе шпагой и дагой он достиг высокого мастерства. Почти не повторялся, нападая поочередно двумя клинками. Парировал непредсказуемо, путая противнику карты. К тому же шпага с дагой имели громадное поражаемое пространство от головы до ступней.

– Переброс! – внезапно крикнул Багров, и красивым одновременным броском поменял оружие местами.

– Это чего такое было? – не выдержал Мефодий.

Матвей на секунду отвлекся на голос. Ирка подсекла древ-

ком рунки переднюю ногу противника. Тот упал. Меф протянул ему руку, чтобы помочь встать, но тот вскочил сам, не коснувшись земли ни клинком, ни ладонью.

– Уйди, – буркнул он.

– В общем, какая мысль: если ты и с мраком так будешь шпагами жонглировать, останешься без ушей. В бою надо убивать, а не плести кружева, – заявил Буслаев.

– Да пошел ты! Это тренировка. У меня не так много Ирок. Если убивать по одной на каждой тренировке, надолго не хватит, – отозвался Багров.

– Можно и не убивать. Но зачем разменивать удар в бедро на удар в глаз? Ты просто знаешь, что в глаз она тебя не станет атаковать. Да и все эти пляски с кинжалом, в общем, можно оставить горским народам.

– Плагиат! – вступилась Ирка за Багрова.

– Почему?

– Потому что так говорил Арей! Может, другими словами, но мысль такая.

– А если я говорю «ку-ку», это плагиат кукушки? – возмутился Меф.

– Ну вот видишь: признался, что и птичку обокрал! – сказал Багров и, взяв у Ирки рунку, понес оружие в сарай. Свою шпагу он держал под мышкой, а дагу в левой руке.

Меф с Иркой остались одни.

– Ну как ты? – спросил Меф после долгой паузы.

– Хорошо. А ты?

– Прекрасно.

– Ну вот видишь, наконец где-то в мире встретились два человека, у которых все хорошо и прекрасно, – отозвалась она.

Мефодий хмыкнул – с Иркой не соскучишься. Они немного помолчали, потом пошли к скамейке, которую кто-то перетащил с аллеи в кустарник.

Ирка присела на корточки. Меф увидел под скамейкой корзину, а там щенка. Ощутив Ирку, щенок слепо приподнял морду и запищал. Было ему дней пять, не больше. Хозяйка вытащила из-под подстилки шприц, уже не тот первый, на два кубика, а купленный в зоомагазине с резиновой насадкой для выкармливания животных.

– Твой? – спросил Меф.

Она кивнула, кормя и лаская щенка. Буслаев любовался ей. Она была похожа на молодую мать, родившую неведомого зверька.

– Скажи что-нибудь вумное! – попросил он.

Ирка строго взглянула на него и чуть оскалилась. Меф подумал, что она похожа на готовую к защите волчицу.

– Прости. Фраза кривая. Мне правда нравится тебя слушать, – поспешил добавить Меф.

Она расслабилась, волчица ушла из глаз.

– Я по заказу не умею, – сказала она, трогая пальцем нижнюю губу. – Хотя вот... навещает меня в последнее время навязчивая мыслишка, что самое важное в жизни – не поз-

волять себе манипуляций. Быть честной со всеми и, главное, с собой.

– Чего не позволять?

– Манипуляций. Пример: маленький мальчик хочет мороженое, но ему не покупают. Как его получить? Можно выгибаться, биться головой об пол и орать дурным голосом. Можно клянчить, повторять «купи, купи!» миллион раз. Если родители уважают деловой подход, можно договориться: «Мол, вы мне мороженое, а я уберу комнату. И буду есть понемножку, пусть во рту тает». Еще можно подлизываться: «Милая мамочка, я тебя та-а-ак люблю! Ты такая красивая! Купи мне, пожалуйста, одно ма-а-аленькое мороженце!»

– Не, некозырно, – поморщился Меф.

– Или притвориться такимдохлым, беспомощным и обвисающим, что все плюнут и скажут: «Надо ему мороженое купить, а то он какой-то жалкий! Как бы совсем не сдох!»

– Чимоданов разорался бы, – сказал Буслаев.

– Мошкин прикинулся бы круглым сироткой! «Это мороженое, да? Но мне же его теперь никогда нельзя? Даже самого маленького кусочка, да?» – передразнила Ирка.

– Ната охмурила бы продавца. Прасковья подожгла бы город. По трупам прошла к киоску с мороженым, лизнула два раза и заявила бы, что мороженого больше не хочет, а хочет пиццы... – увлеченно сказал Меф.

Ирка, помедлив, кивнула.

– Наверное, так. Только мне почему-то кажется, что Прас-

ковья сложнее.

– Погоди, – внезапно сказал Меф. – Ты хочешь сказать, что ВСЕ манипулируют? Абсолютно все?

– Да, – грустно подтвердила Ирка. – Боюсь, что так. Каждый новенький человек примеривает все формы манипуляций по очереди. Смотрит, что у него лучше прокатит, и останавливается на одной манипуляции как на основной. А я так не хочу! Просто не хочу, и все!

– Гм... Слушай, а... он тоже манипулирует? – с интересом спросил Меф, посмотрев в сторону, куда скрылся Багров.

Ирка слишком резко нажала на шприц – щенок закашлялся. Трехкопейная дева испуганно отдернула руку.

– Не знаю, – неохотно отозвалась она. – Хотя... может, Матвей ушел бы в партизаны и пускал бы составы с мороженым под откос. Потом лежал бы на ящиках с мороженым, весь в пулеметных лентах, с бомбами на поясе, и презирал бы их... Пальцем не притронулся бы к мороженому, хотя ужасно бы его желал. Но вообще про него я стараюсь не думать. Потому что если буду ловить его на манипуляциях, это будет такое маленькое, но предательство.

Буслаев долго молчал. Потом подошел к кусту и несильно ударил кулаком по листьям.

– А мне толку нет по полу кататься! Катайся – не катайся! Все равно ее не вернут, – глухо сказал он.

Глава 4

Пиковый валет и червонный валет

Здоровье до того перевешивает все остальные блага жизни, что поистине здоровый нищий счастливее больного короля.

А. Шопенгауэр

Матвей бродил по Сокольникам, сунув руки в карманы и пыля подошвами по сухой земле. Изредка он поднимал шишку и швырял ее в заросли с такой силой, что сводило плечо. Он с удовольствием подрался бы с кем-нибудь, но попадались только мамыши с колясками, у которых на лицах одно опекающее и замкнутое в себе родительство.

Наконец мамыши с колясками и убегающие от инфаркта пенсионеры в тренировочных костюмах закончились, и навстречу пробежала высокая и довольно симпатичная девушка. Каштановая коса раскачивалась в такт бегу, и самый ее кончик подпрыгивал, как кошачий хвост, когда кошка на кого-то сердита. В сторону Багрова она даже не посмотрела, хотя пробежала совсем близко, едва не задев его плечом. Матвей ощутил мгновенную досаду. Пусть она ему не нужна, пусть у него есть Ирка, но почему не посмотрела? И ведь не притворялась. Абсолютно равнодушно, безо всякой позы пробежала мимо, как если бы он был деревом или дорожным

знаком. Матвея для нее не существовало. И долго он еще носил в себе эту досаду. Он что, такой ноль? Человеку очень больно признать, что он кому-то не нужен или неинтересен.

Матвей поднял с земли еще одну шишку и, наложив на нее заклятье, отправил за девушкой, чтобы в конце аллеи шишка хлопнула ее по затылку. Ничего, не оглушит, просто элемент педагогики.

Весь август он находился в хаосе мыслей и поступков и не мог оттуда выбраться. Багров маялся и не понимал сам себя. Он молод, здоров, красив, за ним не бегают военкомат, у него есть крыша над головой, несколько неплохих клинков и без остатка любящая Ирка. Почему же нет ощущения счастья – легкого и непрерывного? Что грызет его? Раньше Матвей говорил себе: я не могу быть счастливым, потому что мне нужен определенный набор вещей – материальных и нематериальных. Свобода от вечного контроля старших валькирий, живые ноги Ирки, куча свободного от мелочных забот времени, которое он будет тратить на самосовершенствование. И вот теперь все это есть, а счастья все равно нет. Он глотает удовольствия жадно, как воду, но жажда не утоляется, а становится острее, неумнее. Он требует от Ирки всегда быть радостной и новой, настаивает на каких-то эмоциях, злится, когда что-то не так, встречается в авантюры. И свет ему недостаточно светлый, и мрак недостаточно мрачный, и птички, когда пролетают, неправильно машут крыльями!

Видимо, тот, кто счастлив, счастлив вопреки всему. А кто

несчастлив, тот тоже несчастлив вопреки всему. Подари ему хоть личное солнце вместо ночника, гарем турецкого султана для хорового пения и картину Леонардо как подставку для чайника.

Матвей начинал разные дела и терял к ним интерес: резал по дереву и забросил, выращивал в ведре помидоры и расстрелял их из духового пистолета, купил, по примеру Эссиорха, убитый мотоцикл, снял с него карбюратор, затеялся перебирать двигатель – теперь все детали валялись по углам. Багров ощущал, что ему не хватает чего-то главного, что присутствовало в Буслаеве, которого он терпеть не мог – бульдожьего упорства и способности не отвлекаться от одной задачи выбранного.

Он свернул на перпендикулярную аллею, затем еще на одну и, незаметно для себя замкнув квадрат, вновь оказался там, где оставил Ирку и Мефа. Девушки уже не было, а Меф шел навстречу, прутиком сшибая желтые листья.

Испытав внезапное раздражение, которое хорошо знавшая его Ирка называла «жаждой неприятностей», Багров поднял с земли шишку и бросил ее в Мефа. Она летела точно и прямо и должна была попасть в грудь.

Но нет – Мефодий гибко, как кот, изогнулся и поймал ее. – Самоутверждаемся? – поинтересовался он с тем внешне приветливым, но скрыто дразнящим выражением, которое всегда выводило из себя тех, кто терпеть его не мог.

– Не лезь к Ирке, – мрачно предупредил Багров.

Мефодий прищурился.

– Повтори, пожалуйста, для другого уха! У меня правое полушарие плохо воспринимает бредовую информацию, – попросил он.

– Не лезь к Ирке! Держись от нее подальше! Что-то ты сюда зачастил!

Мефодий хотел было сказать, что сегодня в Сокольники он попал случайно, но признать это – означало уступить.

– Слушай, Багров! А ведь ты не ревнуешь! – сказал он.

– Что ты несешь?

– Ну, не так ревнуешь, как ревнуют откровенные идиоты. Ты прекрасно знаешь, что за Иркой я не ухаживаю. Да и ухаживал бы – без толку. Она однолюб. Короче, ты хочешь держать ее под колпаком, чтобы вдох и выдох могла сделать только с твоего разрешения. Чтобы и мысли у нее были твои, и чувства твои, и повиновение, как у Бобика. Ты для этого и внимательным согласен быть, и заботливым, но только чтобы она из-под колпака не вылезла. Зуб даю, когда она говорит по телефону, ты стоишь рядом и вежливо слушаешь, а потом обязательно спрашиваешь: «Кто звонил?» и «Чего ему надо?».

Самое невыносимое, что тот попал в точку. Багров ощутил, что заводится. Он знал это состояние: во рту появлялся железистый привкус, дыхание становилось глубоким, выдох шел через нос. Вселенная сжималась до одного чувства – ненависти.

– Лучше б ты не давал зуб! – дрожа голосом, ответил он и, не поднимая глаз, чтобы не выдать своего намерения, выбросил ему в подбородок кулак. Буслаев ушел от удара, как мангуст.

– Не надоело? Смотри! Рассержусь – отшлепаю, – спокойно предупредил он.

Белый от ярости, Матвей продолжал наносить удары. Меф уходил, разрывая дистанцию. Отводя ладонью прямой удар Багрова, он чуть замешкался, и противник царапнул его по ладони длинным ногтем мизинца.

По коже Мефа пробежал холод. Секунду или две Буслаев не придавал происходившему значения, считая, что это простая царапина, но холод расширялся, уходил вглубь, полз по жилам вверх. Вскоре он добрался до локтя. Рука повисла как плеть, только пальцы слабо вздрагивали. Постепенно холод достиг плеча и через ключицу перекинулся на другое плечо. Буслаев почувствовал, как немеет и левый бицепс.

– Чертов некромаг, – прохрипел он.

– Ученик волхва, – щепетильно поправил Багров. – Мировуд называл тот фокус «мертвая волна»!

Мефодий попытался резко атаковать его ногами, но, не принимая боя, Матвей отходил, давая «мертвой волне» время добраться по позвоночнику до ног. На губах у него была вежливая улыбочка, глаза скользили по телу Мефа, с удивительной безошибочностью сопровождая ощущение парализующего холода.

– Ну что, признаешь, что проиграл? Поклянись, что не будешь соваться к Ирке – и я тебя отпущу!

К тому времени Буслаев уже стоял на одной ноге, с усилием пытаясь сохранить равновесие. Тело было чужое, свинцовое. Даже веки удерживал еле-еле. Он не отказался бы вставить в них спички, так сильно клонило в сон.

– Клянешься или нет? Давай скорее, а то сейчас язык онемееет, – поторопил Багров.

Меф слабо зашевелил губами. Решив, что он что-то говорит, но только очень тихо, Матвей неосторожно приблизился. Мефодий, несколько преувеличивший свою беспомощность, отчаянно оттолкнулся единственной служившей ему ногой и, бросив тело вперед, сильно боднул Матвея головой в лицо.

Они упали, один на другого. Потом Меф кое-как ухитрился перекатиться на бок. Он лежал на траве, недоверчиво обнаруживая, что уже может шевелить пальцами рук. Спустя несколько секунд «отмерз» и позвоночник. Похоже, «мертвая волна» действовала только при визуальном контакте.

Ощущая пружинистую колкость хвои, он уперся ладонями и с трудом поднялся. Его пошатывало, но тело повиновалось. Багров стоял на коленях, двумя руками закрывая лицо, и раскачивался.

– Большой! Ты мне нос сломал! – промычал он, ощупывая пальцами переносицу.

– Я не хотел. Куда попал – туда попал, – буркнул Меф.

Матвей наконец оторвал ладони от лица. Буслаев увидел, что нос у него не столько сломан, сколько смещен на одну сторону. Скула, куда пришелся основной удар, быстро опухала. Не прошло и минуты, а глаз уже едва открывался.

– Ты ученик волхва! Вы же заращиваете переломы! – подсказал Меф.

Тот сквозь зубы ответил, что череп не рука. Ошибиться нельзя ни разу. И к тому же он смутно помнит, как там все устроено.

– К Гелате? – предложил Буслаев.

Матвей мотнул головой и, внезапно потеряв равновесие, невольно ухватился за плечо Мефа.

– Ого... Да тут, похоже, сотрясение мозга! Точно к Гелате не хочешь? Ну потопали тогда сдаваться медикам!

Буслаев вздохнул и, подхватив незадачливого некромага под локоть, потащил его к забору. К тому времени, как они добрались до микроавтобуса, правый глаз уже совсем не открывался. Машину Матвей вел чуть ли не на ощупь. К счастью, до больницы было недалеко. Ворота преграждал шлагбаум, который поднимали только для «Скорой помощи». Припарковаться удалось не скоро, потому что все стоянки были забиты.

Забор казался бесконечным. Багров едва тащился, держась рукой за голову.

– Давай срежем! – предложил Буслаев.

– Да пошел ты! Где?

– Да тут подсказка! – Меф кивнул на объявление «**Через морг не ходить!**», красовавшееся на железной двери одноэтажного кирпичного здания.

Подсказка сработала. Пройдя через ритуальный зал морга, где толстый парень в кожаном фартуке меланхолично поливал из чайника веерную пальму, они хитро миновали проходную и оказались на территории больницы, всего в полусотне шагов от главного здания.

В больницу можно было проникнуть через служебную дверь, защищенную кодовым замком. Замка Меф коснулся одновременно с Багровым. Тот вспыхнул и начал плакать расплавленным металлом, но внезапно застыл и покрылся толстым, в ноготь, слоем льда.

– Ты чокнутый... смотри, приварилось все! Ауч! – Багров плечом толкнул дверь и, застонав, схватился за голову.

– Кто же знал, что и ты с магией полезешь! Отойди! – Меф отодвинул его и открыл дверь.

С лестницы пахло супом. На площадке между первым и вторым этажами, застенчиво выпуская дым в трещину в стекле, курили трое язвенников. Рядом с громоздкой, похожей на стартовую ступень ракеты, плевательницей сидела белая кошка с черной головой. Со стороны казалось, что она в маске.

Травмпункт обнаружился между рентгеном и регистратурой. Рядом на банкетке помещались двое молодых гаишников. Один вертел в руках логическую игру из множества про-

волочек. Другой мучительно шевелил пальцами и умоляюще повторял: «Коль, а Коль! Дай, а?»

– Сиди! – треснутым баском отвечал его коллега.

– Ну дай! Ты все неправильно делаешь!

– Сиди! – повторял Коля, ничуть не смущаясь, что его приятель и так сидел без всяких указаний.

Мефу важно было понять, сколько народу в очереди.

– Вы потерпевшие? – спросил он, аккуратно усаживая Багрова на банкетку.

– Ты кому это сказал? – обиделся гаишник с игрой.

– Не надо, Коль! Пострадавшая в кабинете, – миролюбиво объяснил напарник.

Как выяснилось, гаишники сопровождали женщину, сбитую на пешеходном переходе всадником, который с треснутой ключицей уже дважды выглядывал из перевязочной и что-то порывался объяснять.

– У меня там лошадь плохо привязана! Удерет!

– Лежи! – говорил ему гаишник Коля.

– Нервная она! Да и об тетку ушиблась!

– Все нервные. Все ушиблись. Лежи!

– Коль, игру дай! – стонал другой гаишник.

– Лежи! Тьфу! Сиди! А ты лежи!

Выходила медсестра и уводила парня лежать.

Меф стал поднимать Матвея, но услышал плаксивые звуки скрипящего колеса. Два санитаря бодро толкали каталку, на которой лежал плотный мужчина, лет сорока пяти, в до-

рогом светлом костюме. Правая брючина у него была основательно изодрана и изжевана. Мужчина смотрел в потолок и ответственно дышал через нос. Вихляя колесами, тележка въехала в дверь.

Почти сразу из травмпункта стали доноситься громкие голоса.

– Йогурты «Жирафыч» ели? Это мои! Я Чухвостин! У машины спустило колесо, я вышел, а тут собачья свадьба! Немедленно переведите меня в ЦКБ!

– Да вам и здесь помогут. Подумаешь, собачий укус, – успокаивающе отозвался кто-то.

– «Подумаешь?!» А если она бешеная? – взревел первый голос.

– Вы же сами сказали «собачья свадьба»? Думаете, взбесившаяся псина решила напоследок жениться?

– Очень смешно! Со здоровьем не шутят! Все отдам за здоровье! Вы слышите? Все!

– Вот и замечательно! Вам сделают укол. Если потребуются, госпитализируют! Расстегивайте ремень! Оля, как обычно! Следующий!

Когда Буслаев провел Багрова в кабинет, покусанного «Жирафыча» было уже не видно. Его отволокли за ширму, где тот звенел ремнем, стонал, называл медсестру садисткой и отправлял ее доучиваться в ветеринарное училище.

Хирург оказался веселый, рыжий, подмигивающий. Усадив пострадавшего на стул, он деловито и бережно ощупал

пальцами ушиб.

– Так... смещение... гематома... тошнит? Голова кружится? Ясно! При каких обстоятельствах была получена травма?

– А это еще зачем? – подозрительно спросил Матвей.

– Подсудное дело. Если авария, нападение или драка – снимут показания. Так кто тебя?

Багров мстительно покосился на Мефа. Тот внимательно разглядывал люстру, делая вид, что ему все равно.

– Об стул ударился, – ответил тот после паузы.

Хирург присвистнул.

– Хорошенький стул! Эдак наискось, со смещением. Так что, пишем стул?

– Стул! – упрямо повторил Багров.

Веселый хирург вздохнул, вопросительно посмотрел на сопровождающего и большим пальцем энергично поскреб лоб.

– Топайте на рентген. Надо убедиться, не треснула ли черепушка.

Выходя в коридор, Буслаев слышал, как хирург сказал медсестре:

– Ишь ты, стул им... Оля, пиши: «Поскользнулся в ванной на мокром кафеле»! Написала? Задача на засыпку! С балкона пятого этажа летит старушка весом в шестьдесят килограммов. Ты проходишь мимо. Надо ли ее ловить или лучше отбежать в сторону?

Меф протянул Матвееву руку.

– Спасибо, – шепнул он.

Тот задумчиво посмотрел на его ладонь, как на что-то не совсем понятное. Потом пожал Мефодию руку.

– Смотри только Ирке не говори! – предупредил он.

Тяжелая металлическая дверь закрылась за ним.

Трещины не оказалось, но голова неожиданно закружилась так сильно, что, выходя из рентгена, он не сообразил, куда идти, и грудью опрокинул защитный экран. Хотя Матвей твердил, что это ерунда, и кидался поднимать экран, медики засуетились, забегали и на лифте подняли его в отделение. Знакомая ржавая каталка скрипела и ныла, жалуясь на жизнь уже под Багровым.

Где-то рядом мелькало участливо-виноватое лицо Мефа, лезшего с какими-то вопросами, но в отделение того не пустили и велели приходить завтра. Матвей смотрел на Буслаева отрешенно. Ему было все равно.

Багров лежал на спине. В палате было жарко. Бывшее в окно солнце нагревало линолеум и резало единственный незакрывшийся глаз. Он набросил на лицо полотенце, выключил телефон и заставил себя заснуть.

Он не знал, сколько проспал, и понятия не имел, что заставило его проснуться. Матвей осторожно повернул голову, заставив полотенце провиснуть, и увидел короткий хирургический халат. Незнакомый стоял спиной, не обращая на него внимания. Из зеленых, входивших в хирургическую форму, брючек подозрительно торчали босые пятки, оставлявшие на

светлом линолеуме странные следы. Матвей, которому совершенно, прямо-таки абсолютно, не нравились эти пятки, хотел привстать, но голова закружилась, и его откинуло на подушку. Он ощутил слабость, да такую, словно на него навалили огромный мешок с мукой. Мог только смотреть, дышать и, пожалуй, все.

С усилием отлепляя ноги от нагретого пола, неизвестный направился к соседней кровати. Когда Матвей засыпал, кровать была пустой, а теперь там помещался тот самый укушенный директор, вполне румяный и даже уткнувшийся в газетку.

Зеленый халат настойчиво кашлянул, и газетка обреченно провисла, как лишившийся ветра парус.

– Да? – вопросительно отозвался йогурт «Жирафич».

– Не «да», а доктор медицинских наук, профессор Хламович! Вы тут с собачкой кусались? – строго одернул его зеленый халат.

– Да, я, но... – пугливо начал укушенный.

Профессор нетерпеливо дрыгнул ножкой.

– Нокать будете дома! А пока поднимите маечку, сахарный вы мой!

Тот покорно задрал майку, обнажив живот, похожий на сдобную булку. Хламович наклонился, некоторое время неодобрительно изучал пупок, затем отступил и неожиданно ткнул директора согнутым пальцем в солнечное сплетение.

– Ай! – вскрикнул «йогурт».

– Це-це-це! – строго сказал профессор и пальцем ткнул его в печень.

– Ай!

Зеленый халат помрачнел.

– Что, и тут болит? А тут? – спросил он, щипая директора за шею у адамова яблока.

Пациент тихо охнул. Профессор сурово сложил руки на груди и велел тому опустить майку.

– Все плохо, да? – простонал директор, ослабевшими руками дергая майку.

– Почему же сразу плохо? – удивился Хламович. – Что за гнилой пессимизм? Современная медицина творит, как говорится, чудеса! Кстати, вы помните телефоны близких родственников?

Лицо «йогурта» посинело.

– З-зачем?

– Да ни за чем, дорогой вы мой и бесценный! Просто, знаете ли, на всякий случай! У такого хорошего человека и родственники, как говорится, хорошие, славные люди!

– Профессор! Умоляю: скажите правду!

– Це-це-це... Переведем вас в другое отделение, сделаем кое-какие анализы!

– Профессор! Я настаиваю! Я способен ее выдержать!

– Це-це-це... Случай, будем говорить, неоднозначный. Заражение слюной, скажем так, собаки. Инфекция стремительно распространяется по всему, не побоюсь этого слова,

организму.

Пациент захрипел.

– Это конец! Да, доктор?

– Я этого не говорил. Вы сами себе все сказали! Вы меня понимаете?

Укушенный комкал простыню, пытаясь дотянуться до профессорского рукава.

– Любые деньги! Не можем же мы просто так сидеть и смотреть! Что вы предлагаете?

– Це-це-це... А что вы, будем говорить, предлагаете? – склонив головку набок, быстро спросил Хламович.

В глазах пациента засветилась надежда.

– Ничего не пожалею! Пусть меня переведут в ЦКБ! Отправят за границу!

– Перевод – штука, не побоюсь этого слова, хорошая! Но в запасе у вас час, максимум два... Потом лимфоузлы, будем говорить, пропоют отходную... Це-це-це...

В глубокой задумчивости профессор погрузил пальцы в карман халата, порылся там и извлек круглую желтую таблетку. Подержал в руках, вздохнул и снова упрятал в карман.

– Нет, – сказал он. – Нет, ничего не могу.

– Что это было, профессор? – крикнул «йогурт».

– Что? Где? – удивилось светило медицины, показывая пустую руку.

– Но я же видел! Вы достали таблетку и сразу ее спрятали!

– Неужели? Что-то не припомню!

Губы у больного запрыгали. Несколько секунд казалось, что он сейчас заплачет, но вместо этого заговорил быстрым, захлебывающимся голосом.

– Профессор! На колени встану! Столько лет жить, работать не жалея сил, начинать все с нуля, строить какие-то планы, откладывая кое-что на черный день, а потом – раз! – и из-за идиотской собаки обрыв в ничто! В пустоту! Прошу вас! Сделайте что-нибудь! Подарите надежду!

Хламович немного поломался и похрустел пальцами. Потом из кармана вновь появилась заветная желтая таблетка.

– Гм-гм... Антибиотик шестого поколения! После однократного применения убивает любую, будем говорить, заразу! Вы, случайно, не химик? Очень жаль! Гексахлоробромоглюкоципролет! Одна таблетка, и к завтрашнему утру вы, выразимся так, огурчик. Хотя, не побоюсь этого слова, анализы никогда не повредят!

Глаза укушенного вспыхнули.

– Я знал! Я верил! Дайте мне ее!

Профессор печально посмотрел на протянутую к нему руку.

– Не имею права! У нас в стране данное лекарство строжайше запрещено. Минздрав, будем говорить, перестраховывается... А ну как кто-то заинтересуется, почему вы взяли да, будем говорить, выздоровели? С какого, скажем так, Гиппократы?

Пациент совершил невероятный рывок на здоровой ноге

и вцепился доктору в карман.

– Умоляю вас! Все отдам! – хрипел он, пытаясь просунуть внутрь руку.

Врач поймал его за запястье. Пальцы у профессора оказались неожиданно сильными, хотя и несколько липкими.

– Прямо-таки и все? – спросил он вкрадчиво.

– ВСЁ!

Профессор наклонился к укушенному так близко, что тот услышал его дыхание, отчего-то пахнущее канцелярским клеем.

– Совсем все? Даже, будем говорить, эйдос? – спросил он застенчивым шепотом.

И хотя в незнакомом слове «эйдос» не было ничего ужасного, директор внезапно испытал ужас, покрывший все тело липким потом.

– Какой «эйдос»?

– Да такой вот!

– Но я не знаю, что это!

– А зачем вам знать, когда вы все собрались отдавать?

– Да так вот! Надо, и все! – заупрямился «йогурт».

Обладатель липких пяток задумался.

– Правила есть правила, а то свет еще придерется, – про- бурчал он себе под нос. – Ну ладно уж! Скажи я вам, что эйдос – это, будем говорить, душа! Согласились бы?

– Душу? Нет, душу не отдам! – переполошился пациент.

Хламович поморщился.

– Фуй, как принципиально! А вы ее видели, душу-то? Есть она на свете? Может, и души-то никакой нет? Таблеточка-то вот она! Ее пальчиком потрогать можно! А души-то, может, и нету никакой вовсе! Согласны?

– Нет!

– Да даже если и есть душа, разве ее так просто отнимешь? Вот так вот ручкой? Разве это не было бы смехотворно? Какая душа, а? Опомнитесь, дорогой мой! Мы же деловитые практические люди! Тертые калачи, а? Неужто мы шулки от правды не отличим?

И Хламович захихикал, призывая Чухвостина смеяться вместе с собой. Тот хихикнул вымученно и робко.

– Ну так что, по рукам? Эйдос в обмен на таблетку?

– Н-нет, – робко заикнулся «йогурт».

– Ну на нет и суда нет! Хотите помирать, и помирайте себе с душой! – с неожиданной яростью заорал профессор, энергично разворачиваясь к двери. – Считаю до трех и уйду! Раз...

– Да, да, да! – закрывая глаза, крикнул укушенный.

Хламович заморгал, казалось, очень удивленный согласием.

– Что-с? Так быстро? Неужто согласны? Душу-то? Бессмертную? На таблетку?

– Д-да.

– Bravo! Дальновидное решение! – одобрил профессор, и на ладонь пациента прыгнуло желтое круглое лекарство.

Боясь, что доктор передумает, пациент торопливо засунул ее в рот и стал давиться.

– Водичкой, водичкой запейте! – засуетился Хламович. – Проглотили? Ну и славно! А теперь, будем говорить, небольшая формальность. Нет-нет, на подушечку не ложитесь, это строго обязательно.

Гибкая, тонкая в запястье рука скользнула укушенному в грудь, провалившись почти до локтя. Распахнув в беззвучном крике рот, Чухвостин с ужасом уставился на нее. Боли не было и крови тоже, только холод, страх и ощущение чего-то скверного, непоправимого. Пошарив, профессор деловито выудил что-то маленькое, меньше горошины. Придирчиво осмотрел.

– Надо же! А ведь очень даже ничего! Собранный такой свет, целеустремленный! Есть, конечно, недочеты, но в целом неплохо! Без выходных, наверное, вкалывали, а? Юность в трудах прошла? Художка, музыкaлка, спортивные секции? Признавайтесь, было дело? – ухмыльнулся он очень приветливо и упрятал непонятное *нечто* в пластиковый контейнер из-под фотопленки.

Чухвостин тупо смотрел на него, явно не слыша или не понимая слов. Затем задрал майку и недоверчиво стал ощупывать кожу на груди.

– Больница психов, – бормотал он, прыгая губами. – Я болен, я очень болен. Надо срочно уходить. Телефон, где же мой телефон?

Хламович поймал его ускользающую руку и приветливо пожал ее.

– Ну-с! Вынужден откланяться! Удачи вам и, будем говорить, сил! И не сомневайтесь, уважаемый, насчет таблетки: витамин С в драже крайне полезен! Натуральный продукт, тут без обмана!

Остановившись у постели Багрова, коварный профессор заботливо поправил на его голове полотенчко. Матвей по-прежнему едва мог шевельнуться. Уже выйдя в коридор, профессор вдруг просунул в дверь лицо, так что с этой стороны оказались только рот и нос, и произнес с гнусавой трескучинкой:

– А здоровье-то береги теперь! Здоровье-то, оно превыше всего!

* * *

Багров продолжал ворочаться, как перевернутая на спину черепаха. После долгой борьбы с собой он смог приподняться на локтях и снова опрокинулся от головокружения.

«Да что со мной такое? Сотрясение – да, но и без магии тут не обошлось! Но не мог же Тухломон, жалкий комиссионеришко, так меня припечатать!» – соображал он.

Внезапно дверь приоткрылась. В палату вошел незнакомец, с любопытством оглядывая стены, кровати, передвижные треноги для крепления капельниц и тумбочки с инвен-

тарными номерами. Закончив изучать мебель, он подарил свое внимание Багрову, а затем, вспомнив о его соседе, кратко приказал:

– Спать!

«Йогурт», сидящий на краю кровати и поправлявший бинт на укушенной ноге, вздрогнул и недовольно вскинул голову.

– Отстаньте от меня! Я не хочу спать! – запальчиво крикнул он.

– Это ошибочное представление, – возразил незнакомец и, прицелившись в него указательным пальцем, сказал: «Пуф!»

Тот дернулся и, точно подстреленный, боком завалился на кровать. Пока он не сполз, незнакомец подошел и, закинув на кровать оставшиеся на полу ноги, с головой накрыл его одеялом.

– Ничего удивительного! Эйдоса нет – и защиты никакой! С тобой сколько возни было, одних рун несколько штук перебрал, а ты вон уже на локтях стоишь, – по-свойски объяснил он Матвею.

Багров молча и пристально изучал гостя, начиная понемногу понимать причину, помешавшую ему отогнать Тухломона от его соседа.

Перед ним стоял совсем молодой страж мрака. Едва ли ему было больше двадцати тысяч лет. Небольшого роста, широкоплечий, смуглый, с широким прямым носом, похо-

жим на львиный, с мелкими светлыми кудрями. Одежда была половинчатая, сине-красная, с четкой границей, чем-то похожая на шутовской наряд.

Но самая невероятная особенность состояла в другом. *Страж мрака был безоружен.* Ни меча, ни копья, ни кинжала на поясе. Багрова, представлявшего, насколько сильно жители Тартара привязаны к оружию, это не могло не поразить.

«Мрачный юноша» подошел к кровати и дружелюбно присел на корточки, оказавшись вровень с лицом Матвея.

– Меня зовут Джаф. Я много о тебе слышал. Теперь вот решил познакомиться. Очень мило, что Тухломон согласился помочь мне найти тебя, – сообщил он.

Багров демонстративно отвернулся к стене.

– Ого! – произнес Джаф без малейшей обиды. – А я хотел тебе кое-что показать!

Повернутая к стене голова Матвея отрицательно дрогнула.

– Ах да! – спохватился Джаф. – Прошу прощения! Я как-то сразу не подумал!

Он протянул ладонь и пальцами провел над лицом парня, не касаясь его. Багров швырнул в стража подушкой. Потом рывком сел – на этот раз его ничего не удерживало – и недоверчиво ощупал лицо. Опухоль исчезла, заплывший глаз, успевший отвыкнуть от света, моргал и слезился. Он подозрительно потрогал нос и обнаружил, что тот не ото-

звался даже малейшей болью.

– Ну дар... скромный дар врачевания! – сказал Джаф. –
Наших тоже иногда ранят, и, знаешь ли, им не доставляет
большого удовольствия страдать. Не к валькириям же обра-
щаться!

– Я подачек не принимаю! Верни все обратно! – упрямо
потребовал Багров.

– Все – это что?

– Мое сотрясение и мой перелом!

Страж мрака улыбнулся деликатной улыбкой.

– Сожалею, но возвращать однажды вылеченные ушибы
не умею. На это мой дар не распространяется. Может, пооб-
щаемся в здоровом режиме? А потом, если желание члено-
вредительства у тебя сохранится, можешь стукнуться лицом
о стену.

Матвей свесил ноги с кровати, соображая, куда медсестра
дела его кроссовки. Будь у него обувь, он смог бы уйти, по-
скольку остальную одежду пока оставили.

– Пообщаемся – о чем? – неприятливо спросил он.

– Вот об этом!

С завораживающей медлительностью Джаф повел рукой,
и в ладони у него сами собой очутились четыре игральные
карты. Пиковая дама была с бензопилой и в шапочке пала-
ча. Крестовая в гимнастическом трико крутила бесконечные
сальто. Бубновая сидела за столом, заваленная выше глаз
книгами. Червонная соблазнительно вздыхала, томясь пыла-

ющими телесами в узком платье, и посылала во все стороны воздушные поцелуйчики.

Убедившись, что Багров, не удержавшись, бросил-таки на карты взгляд, Джаф перевернул их рубашками кверху и неуловимо быстро перетасовал.

– Игруем и выигрываем! Самая беспроигрышная лотерея в мироздании! Крестовая дама – ловкость и сила. На одну иголку сможешь нанизать четыре подброшенных вишни!

Не позволяя Матвею усомниться, Джаф лихо подбросил четыре вишни и мгновенно нанизал их на непонятно откуда появившуюся цыганскую иглу. Последней, после четырех вишен, он нанизал пролетавшую муху.

– Это уже как бонус! Лично от меня! Червонная дама – абсолютная неотразимость! Женские сердца будут разлетаться вдребезги, даже если ты просто чихнешь в автобусе! К сожалению, показать это здесь невозможно, за отсутствием подходящего объекта. Бубновая дама – сюрприз от мрака. Он разный, но приятный!

– А пиковая дама? Что-нибудь утонченное? – Багров вспомнил особу с бензопилой.

Джаф кашлянул.

– Пиковая – это твой эйдос! Должна же моя лотерея приносить доход? Я не говорил, что занимаюсь благотворительностью!

– И я, конечно, вытащу именно ее, потому что карты мухлежные, – ухмыльнулся Багров.

Молодой страж стал пунцовым от негодования.

– За кого ты меня принимаешь? Я не комиссионер! У меня честная лотерея! Мне хватает и второпробников! Они мой надежный доход!

– Второ... кто?

– Второпробники! – охотно объяснил Джаф. – Многие, выиграв приз и убедившись, что все честно, без уловок, играют во второй раз и в третий... Рано или поздно они, разумеется, проигрывают, и я получаю эйдос! Но тебя-то я, безусловно, провести не смогу!

Багров почесал нос. Лести стража мрака он не доверял и все же чувствовал, что заглотил наживку. Нет такого мужчины, который втайне не считал бы себя умнее других, причем тем сильнее, чем меньше для этого повод.

– Как-то это все скользко, – проворчал он.

– Правильно! Я бы тоже сомневался! – заторопился Джаф, подсовывая ему под нос карты. – Прошу!

Багров долго пыхтел, высматривая подвох в честном львином лице стража мрака и его пшеничных, рассыпанных по плечам кудрях. Неотразимость была ему не нужна, а вот от ловкости бы не отказался. Досада на Буслаева все еще жила в нем. Да и трюк с вишнями и мухой, признаться, очень впечатлил.

Он отыскал на окне полужасохший маркер и демонстративно начертил на тумбочке две руны, блокирующие любые уловки мрака. Джаф сочувственно наблюдал за его усилия-

ми, а одну даже посоветовал подправить, заявив, что иначе ее можно будет обойти. Матвей недоверчиво уставился на руну и, убедившись, что она и правда не закончена, дорисовал ее.

– Давай сюда карты! Не из твоих рук! Разложи их на тумбочке!

Джаф с готовностью разложил карты и заботливо поправил каждую пальчиком.

– Теперь отойди в угол!

Отошел.

– Закрой глаза, – велел Матвей.

– Слушай, это уже наглость! Ты мне не веришь, а я тебе должен? – возмутился страж.

– Ты не рискуешь эйдосом! Зажмурься, или ничего не будет! Я прекрасно знаю, что можно сделать глазами!

«Мрачный юноша» закрыл глаза, а для большей убедительности прикрыл их ладонями.

– А вот ручки лучше убрать, – мягко сказал Матвей. Мировуд предупреждал, что стражи мрака видят сквозь ладони.

Джаф недовольно опустил руки. Убедившись, что тот не подсматривает, Багров впервые внимательно взглянул на карты.

«Нет, первую с краю брать не буду... слишком очевидно! Первую он подложил пиковую, думая, что я подумаю, что она точно не пиковая... Нет, не так. Он бы сообразил, что я подумаю, что он так подумал... Дальнюю брать тоже не буду,

потому что все наоборот... Тогда вторую или третью? Но если он догадался, что я так подумал про первую и последнюю, тогда пиковая точно вторая или третья! Это что ж теперь, из двух выбирать?»

Матвей ощутил, что голова начинает пухнуть от тупиковых сомнений. Он быстро оглянулся на Джафа, который стоял, жмурясь, с таким честным видом, что любой страж света в сравнении с ним показался бы мелким жуликом.

«Нет! Логикой его не переиграть!» – обреченно подумал Багров и схватил с тумбочки первую попавшуюся карту.

В ту секунду, когда он коснулся ее и перевернул, в больничной палате прозвучал глухой удар колокола, заставивший его вздрогнуть. Сердце упало. Еще не взглянув на карту, он понял, что все потерял.

Джаф распахнул глаза.

– Бубновая дама! Ты выиграл подарок от мрака! – крикнул он буратинским голосом телеведущего, сообщающего о выигрыше чайника. Где-то в незримости оркестр сыграл туш.

Багров недоверчиво взглянул на карту. Недовольно сдвывая с глаз челочку, бубновая дама собирала рассыпавшиеся книги.

– Какой подарок? – спросил Матвей.

– Сейчас узнаем! Обожаю этот момент, потому что сам никогда не знаю, что там окажется! – радостно воскликнул Джаф.

Он высоко подпрыгнул, ухватил что-то и с усилием потащил из незримости предмет, который явно упрямился. Багров увидел маленький ящичек из красного дерева с искусно вырезанными на крышке человечками. Все они смыкались руками и ногами так, что казались привязанными друг к другу. Страж сдул с него пыль и принялся тереть рукавом.

– Вот это да! Уникальное везение! Ты выиграл конструктор! – воскликнул он.

– Что?

– Конструктор девушек! Ах да, ты же однолюб! Хотя что это меняет? Держи и владей! Одну девушку тоже можно конструировать, было бы желание!

Подозревая подвох, Багров спрятал руки за спину.

– Зачем он мне?

– Как зачем? – зашептал Джаф, обхватывая его свободной рукой за шею и наклоняя к себе. – Будем откровенны, любовь – прекрасная вещь, но некоторые черты любимых нас ужасно раздражают... И чем дольше мы остаемся вместе, тем сильнее. А что самое досадное, не черты, а так, черточки! Одна опаздывает, другая непрерывно хитрит, третья – транжирит деньги на всякую фигню, четвертая – ревнует без повода, пятая – бегают, как бешеный таракан, шестая – срослась со своей мамой как сиамский близнец. Убрать эти пустячки – и образ станет идеальным!

Багров дернулся, пытаясь вырваться. Рука у львиноносого была железная. Вроде и дружелюбно держал, но никакой

возможности освободиться.

– Я люблю Ирку! – крикнул Матвей.

– Да и люби! Кто мешает? Только нельзя же любить вообще все? Противную родинку на шее, волосок на подбородке, привычку взвизгивать, слишком широкие ногти или какой-нибудь кариозный зуб? Все зубы как зубы, а один-то точно желтый!

– У моей все белые! – сказал Багров и тотчас против воли вспомнил, что один из передних зубов у Ирки и правда несколько желтоват. Видимо, эмаль дала трещину, и в нее начало что-то попадать. Теперь ему казалось, что каждое слово Джафа было неслучайно и било точно в Ирку. Он торопливо перебирал детали, что-то отсеивая, а с чем-то соглашаясь. Как бы мы ни любили человека, а все равно собираем на него компромат. Матвею стало противно, но не из-за Ирки, а из-за самого себя.

Молодой страж пожал плечами.

– Да мне-то что? Я просто объясняю, как работает ящик! Открываешь и мысленно опускаешь в него то, что тебе не нравится. Тот с желтинкой зуб, которого якобы нет. Вырывать его при этом совсем не обязательно. И взамен так же мысленно вынимаешь белый зуб. ВСЁ!

– Забери! Мне без надобности! – упрямо сказал Матвей.

Джаф положил ящичек на подоконник.

– Сожалею. Моя контора выигрышей назад не берет! Не нравится – можешь выбросить.

Разглядывая ящик, Багров заметил, что к боковой стенке приклеена желтая бумажка с цифрой 1.

– А это еще что? – спросил он.

– Где? – отозвался Джаф. – А, единичка! Право задать мне один вопрос, на который я обязан буду ответить правду! Будешь задавать его сейчас или потом?

– Потом. Сейчас вопросов нет, – проворчал Багров.

– Всегда к твоим услугам! Постучи по любому дереву и три раза позови: «Джаф, Джаф, Джаф!»

– Мы больше не увидимся, – решительно сказал Багров.

Джаф тряхнул мелкими кудрями, в которых, должно быть, запуталось немало дамских эйдосов вместе с их бедными хозяйками.

– Правда? – удивился он. – Что, совсем никогда?

– Никогда.

– Ну нет так нет! Кто я такой, чтобы с тобой спорить? Маленький скромный страж из скучной и пыльной преисподней. Что я могу знать, о чем судить? – сказал Джаф совсем смиренным, но вместе с тем словно издевающимся голосом. – А теперь попрошу вернуть бубновую даму! Не сочти за жадность! Средство производства!

Львиноносый отобрал карту, присоединил ее к остальным и, изящно поклонившись, растаял в воздухе.

Спешащее солнце откатилось на край больничного парка. Лучи косо пробивались через грязное стекло, освещая только стену и кровать со спящим на ней укушенным. Оставшись

в одиночестве, Матвей стал ходить по палате, изредка поглядывая на стоявший на подоконнике ящик. «Не возьму... Просто не возьму, и все! Пошли они! Нет у Ирки никаких желтых зубов! И не визжит она!»

Над раковиной было зеркало. Он остановился, изучая свое лицо. Чувствовал себя Матвей просто прекрасно. Каким бы жуком ни был этот Джаф, даром исцеления он несомненно обладал. И поэтому, когда минут пять спустя из коридора послышался голос медсестры, Багров поспешно телепортировал.

Уже окутываясь золотистым коконом, который должен был рассеять его и перенести в пространстве, он обнаружил, что деревянный ящик захватил с собой. Весьма предусмотрительно! На миг Багров ясно ощутил, что, если бы из Вселенной исчезло все настоящее зло, а осталось бы только то относительно небольшое бытовое, то и его одного хватило бы, чтобы возродить все зло мира заново. Мысль эта была очень четкой, однако деревянный ящичек он все равно не выкинул. Выигрыш есть выигрыш.

Секунду спустя его уже не было в больнице. И только ухмылка Джафа, исчезнувшего много раньше, все никак не могла погаснуть и скользила по длинным коридорам больницы, отражаясь то в рамках групповых фотографий, то в витрине аптечного киоска, то во внушительной, покрытой стеклом табличке кабинета главврача.

Глава 5

«Колошмякай его!»

*Прошлого не существует. Потому что если
прошлое существует, то Лигул до сих пор светлый
страж, а гнилое яблоко до сих пор свежее.*

Эссиорх

Всю ночь шел дождь, но утро было солнечным, суетливым. Все несло куда-то, бежало, нервничало. Земля торопилась вертеться, птицы – лететь, листья – опадать, а сотни школ, институтов, фирм и контор спешили поглотить своих добровольных узников и снять сливки с их утренних сил.

Мефодий вышел из общежития озеленителей и, оказывая деятельное сопротивление духу всеобщей бегательности, неторопливо пошел по парку, засаженному молодыми каштанами. На первую пару он не торопился – договорился со старостой, что его отметят. Практика показывала, что знания на первых парах все равно не приобретаются, а дневной настрой теряется.

На теплом капоте грузовичка дремала знакомая собака.
– Привет животным! – приветствовал ее Меф.

Собака открыла глаза – лаять было лень. Вместо этого она болтанула хвостом, ударив по стеклу машины. Буслаев запустил в нее найденным на асфальте суставом куриной ноги и

обменял свою отколотоzubую улыбку на ее зевок.

Из-под скамейки торчали босые ноги. Щегольские итальянские туфли стояли тут же, привязанные шнурком к большому пальцу, чтобы их не утащили.

Мефодий остановился. Единственное, к чему Шилов до сих пор не привык – это спать в постели. Она казалась ему слишком безопасной, а ничему внешне безопасному Виктор не доверял. Он ночевал то в пустых трубах, то в болтавшемся на дремлющем строительном кране железном корыте, где достаточно было неудачно повернуться, чтобы улететь с высоты тринадцатого этажа. Случалось, он забирался под платформу электричек на станции «Гражданская» и ложился на огромном пенопластовом поддоне от холодильной установки. Рядом клал свой меч и откидывал с уха отросшие волосы, чтобы они, в случае чего, не мешали метать отравленные стрелки. Бездомные псы издали рычали на него, но близко не совались. Ночью электрички затихали, и задышающиеся тепловозы, звякая сцепкой, начинали нудно толкать товарные вагоны. Шилов спал. Ему снилась огромная птица, которую он убил. Она подходила и толкала его головой, потому что не помнила обид.

Буслаев постоял немного рядом со скамейкой, а потом наклонился и осторожно дернул за привязанный к пальцу шнурок. Выпрямиться он не успел. Гибкий меч дважды обвил ему шею, а нервное острие заплясало у глаза, явно собираясь погрузиться в голову.

– Кончай душить! Это я! – сдавленно крикнул Меф.

Босые ноги пришли в движение, из-под скамейки ужом выскользнул Шилов. Настороженно разглядывая Мефа, он обошел вокруг, не выпуская рукояти меча.

Меч захлестывал горло как удавка: то сжимался, то чуть приотпускал, позволяя Мефу втянуть воздух.

– Что ты хотел? Убить меня?

– Я... не... вооружен, – прохрипел тот, показывая пустые ладони.

Острие продолжало дрожать у его глаза.

– Ты лжешь! А в рюкзаке?

Там был катар. Меф вспомнил об этом и испугался.

– Из рюкзака я ничего не... доставал! Ты меня задушишь, идиот!

– Ты потрогал мою ногу, – сквозь зубы сказал Шилов, явно ища, за что его прикончить.

– Не ногу, а шнурок!

Нос уточкой шмыгнул. Верхняя его часть, смятая некогда сильным ударом, побелела, нижняя покраснела. Юноша из Тартара размышлял.

– Это был мой шнурок! Ты хотел взять мои туфли!

– Зачем они мне?

– Это были мои туфли! И моя нога! И ты прервал мой сон!

Буслаев уже жалел, что связался с ним. Логика у Виктора была железная. И выход из всех ситуаций был универсальный, вписывающийся в схему «мертвые не потеют».

Спасение пришло с неожиданной стороны.

– Витя! Это же папоцка! Папоцка! Это же Витя! – заорал кто-то басом.

От общежития к ним огромными скачками несли Зигя. Славный младенец, уютный маленький мир которого не вмещал ссор, особенно между людьми, которых он любил больше всего на свете. Шилов с досадой обернулся и качнул рукоятью меча. Гибкий клинок послушно соскользнул с шеи Мефа, укоротился, отвердел и убрался в ножны.

– В следующий раз я убью тебя сразу, – без угрозы предупредил Виктор.

Подбежавший Зигя обнял Буслаева, оторвал его от земли, и началась сцена «огромные сыночки дорвались до папоцек». Несколько секунд Шилов смотрел на это, потом повернулся и молча пошел прочь, жилистый, сухой, настороженный, как волк-одиночка. Меф, наконец поставленный сыночком на травку, проводил взглядом узкую спину юноши.

«Дурандот!» – подумал он, но без раздражения. Он понимал, почему Шилов такой дерганный. Он ожидал мести Лигула за то, что не оправдал его ожиданий.

Утренняя пробка подобралась к Мефу желтым «Фордом» маршрутки. На его пыльном заднем стекле чей-то проказливый палец оставил надпись: «**Если ты счастлив – посигналь!**» Выполняя наказ, водителю временами принимались сигналить. Он высовывался в окно, грозил кулаком и кричал что-то сердитое, пытаясь сделать чье-то счастье чуть мень-

ше.

Заскакивая в маршрутку, Буслаев ощутил, что у него в кармане что-то шевельнулось. Он любил жизнь и ценил движение, но не в своем кармане. Сунув для инспекции руку, парень извлек ключ – длинный, ржавый, с заново переваренной самодельной головкой. Ключами такой формы и вида отпирают дачные калитки и бани, а после прячут их под ступеньку или под лежащий в лопухах кирпич.

– Снова он! – проворчал Меф и нацепил его на палец, как кольцо.

Ключ Арея постоянно менял форму. Буслаев привык к этому и порой забавлялся, пытаясь угадать, каким он предстанет в следующий раз: большеголовым лилипутотом от почтового ящика, четырехгранником поездного проводника или массивным деревянным рычагом с проточинами для отпираания египетских хлебных амбаров.

У парка рядом с «Динамо» ключ снова стал меняться и внезапно сдавил Мефу сустав. Буслаев едва успел скрутить его с пальца. Теперь в руках у него был гордый своей секретностью блестящий ключик с бороздками. Прежде чем парень успел приглядеться, по ключу пробежала волна. Он выгнулся и обвис. Снова выпрямился и снова обвис.

Буслаев озадаченно уставился на него. Раньше он никогда не обвисал и не вел себя как выброшенная на берег рыба. Рыба? Вот она – подсказка! Меф спохватился, что давно не держал ключ в воде. Видимо, тот завязан на водной магии.

Меф дернулся, готовый выскочить из маршрутки посреди дороги. Рядом кто-то пугливо вскрикнул. Молодая женщина только что закончила пить и теперь закручивала крышку маленькой бутылки с минералкой.

– Можно?.. Простите!

Округлив глаза, она наблюдала, как парень, отнявший у нее бутылку, проталкивает в горлышко что-то непонятное, полудохлое, но определенно живое.

– Это что? – спросила дама с ужасом.

Меф ответил, что это лабораторный образец пиявки, страдающей сибирской язвой, и предложил купить у метро другую бутылку, взамен этой. Женщина торопливо дернула головой, отодвигаясь от Буслаева на максимально возможное расстояние. Ключ лежал на дне, окруженный пузырьками газа, и слабо шевелился. Он и правда смахивал на пиявку. Вода в бутылке не спешила становиться синей. Меф торопливо спрятал бутылку в рюкзак.

В университет он приехал, когда вторая пара уже началась. Прежде чем бежать на нее, Мефодий поднялся на лифте к учебной части, чтобы уточнить расписание. Номер аудитории был переправлен на «семерку», жирно написанную маркером прямо поверх стекла. Он слегка удивился. Летом во время сессии «семерка» была на ремонте. Оттуда вытаскивали крепкие, заслуженной древности откидные кресла и заменяли их чем-то мутным, стулоподобным, зато с гнездами для наушников в подлокотниках.

Все же Меф решил заглянуть в «семерку». Вход был занавешен забрызганным штукатуркой полиэтиленом, край которого был приглашающе отогнут. Буслаев прислушался, и ему показалось, что он различает голоса внутри.

Меф заглянул и оказался в темном промежутке между двух дверей. Он потянулся к ручке второй двери, но тут над головой что-то промелькнуло. Он вскинул голову и успел увидеть черное шелковое покрывало с кистями, которое падало на него сверху. Буслаев рванулся, но опоздал – оно облепило его со всех сторон, прилегая, как живое. Меф споткнулся, скулой налетел на стену, упал. Катар Арея запутался в рюкзаке, который никак не удавалось сдернуть.

– Колошмякай его! Он замоил нацего Толбоню! – записал кто-то, и крепкая нога врезала Мефу по ребрам. Буслаев попытался огрызнуться через покрывало, но кто-то мелкий, но упорный навалился сзади на плечи и повис на шее.

– Что тебе Толбоня сделал? Молчис? Ну и молси! – спросил он с укором, после чего боднул пленника в нос.

Буслаев зарычал от ярости.

– Тице-тице, Вацля! Кто-нибудь уцлыцыт! Давай, ребята! – укоризненно пропищали ему, и снова пинки и удары посыпались со всех сторон.

Все, что Меф сумел – сгруппироваться под покрывалом и, прикрывая голову, при любом удачном случае пытался сорвать рюкзак. Удары были сильные, но терпимые.

– Пуцтите меня, пуцтите! Дайте я ему врезу за Толбоню! –

пищал кто-то женским голосом.

– Не надо! Руки отобьец!

– Я сниму туцлю! Я его туцлей!.. У меня на туцле каблук!

– Ай, ты не его, а меня туцлей ударила! Отберите кто-нибуц у нее туцлю!..

Нападавших, как Меф вскоре разобрался, было около восьми. Правда, били не все. Некоторые предпочитали укорять его словами. Другие, пытаясь размахнуться получше, мешали друг другу, толкались и переругивались тоненькими звонкими голосами.

Его пинали, кусали, царапали, прыгали по спине ботинками и все время поминали какого-то Толбоню. Буслаев несколько раз пытался крикнуть, что такого не знает, но его не слушали. Примерно через минуту основательно потоптанному Мефу удалось выпутать катар и длинным движением распороть покрывало.

– Безым! У него большой ноцк! – пискнул кто-то.

– Цто она говорит? Цто говорит? – запереживал кто-то.

– Вацля говорит: у него ноцк! Он убил им Толбоню!

Последний пинок пришелся Мефу по локтю, после чего что-то маленькое и многочисленное юркнуло во тьму. Мгновение – и все стихло.

Выпутавшись из покрывала, которое, судя по запаху тлена и плесени, долго лежало в каком-то сыром и неприятном месте, Буслаев кое-как поднялся на ноги и спрятал катар. Наружная дверь скрипнула. В глаза Мефу светили фонарем.

Буслаев едва сдержался, чтобы не выбить его ногой.

– Ну, кому тут неймется? Жить надоело? – спросил он с угрозой.

Фонарь опустили. Меф узнал седоусого добродушного охранника, обычно сидевшего на вахте у гардероба. Тот потоптался, посветил по углам, подергал дверь в аудиторию. Она оказалась заперта. Охранник хмыкнул.

– Что, парень, побили тебя? Из-за девчонки, небось? Все беды от баб, даже которые не из-за баб! – сочувственно сказал он.

– Не из-за девчонки, – Меф потрогал переносицу. Надо же: вот он, закон справедливого эха! Вчера врезал по носу Багрову, а сегодня получил сам.

– Кто побил-то?

Буслаев ощупал языком, целы ли зубы.

– Гномики!

Ответ охраннику неожиданно понравился.

– Правильно, брат! Своих сдавать последнее дело! Сегодня они тебя отметилили – завтра ты их. Правильно понимаю? Давай так! На занятия сегодня не суйся. Мухой слетай в туалет и приведи себя в порядок, а я пока снаружи покараулю. Если кто сунется – скажу: трубу меняют!

Оценив простую надежность плана, Буслаев благодарно кивнул и, прихрамывая, «мухой полетел» в туалет. Зеркало показало Мефу, что он похож на пообедавшего вампира. Подбородок, губы и даже зубы были в крови, однако, смыв

ее и прополоскав рот, он убедился, что лицо пострадало мало. Синяк под левым глазом, похоже, ограничится легкой припухлостью. Нос не сломан, только ушиблен – он вовремя прикрыл лицо. Правда, подбородок побаливал от удара ботинком через руку и боль отдавалась в висках, но это мелочи. Мефу в жизни перепадало и сильнее.

– Погано выглядишь! Никто тебя не любит, никто не приголубит! Иди себе в лесочек, накройся лопушком! – пакостно сообщил кто-то.

Буслаев вскинул голову. На стене левее зеркала несколькими штрихами был нарисован противный гнутый человечек. Его стирали, закрашивали, но он все равно упорно появлялся. Меф узнал его – это был суккуб одной из простейших моделей. Полномочий забирать эйдосы у него нет. Не тот уровень. Его задача говорить каждому смотрящемуся в зеркало, что он урод и никому не нужен.

Меф брызнул в него водой, от которой туалетный человечек легко увернулся. На двухмерном пространстве стены он перемещался легко и ловко.

– Разговор есть! Тебе велят кое-что вернуть! Оно принадлежит мраку!

Буслаев нахмурился.

– Что вернуть? Силы?

Туалетный человечек скривил похожий на скобку рот.

– Другое! – лаконично ответил он.

– Кто конкретно велит?

Тот с многозначительной угрозой ткнул пальцем вниз, на кафель под раковиной.

– Мне ничего не передавали! Я ничего не брал! – заявил Меф.

Собеседник не ожидал иного ответа.

– Верни! – повторил он. – Хуже будет!

Меф с трудом сдержался, чтобы не врезать по стене кулаком. Он знал, что ничего не сможет сделать суккубу. Даже если разнесет туалет, тот будет приплясывать где-нибудь на потолке.

– А если не верну?

Тот провел большим пальцем по шее и высунул язык. Человека с перерезанным горлом он изображал ну очень убедительно.

Глава 6

Мост у «Киевской»

Чудеса света таковы, что нежелающих видеть их и верить в них они никогда ни в чем не убедят. Можно даже сказать, что каждое чудо разово и рассчитано на одного-единственного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.